

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт психолого-педагогического образования
Кафедра социальной психологии

ЮРКОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ–СУИЦИДЕНТОВ**

Направление подготовки: 44.04.02 Психолого-педагогическое образование

Магистерская программа: Практическая психология в образовании

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой
к.психол.н., доцент Груздева О.В.

Руководитель магистерской программы
д.психол.н., проф. Селезнева Н.Т.

Научный руководитель
канд.психол.н., доцент Маланчук И.Г.

Обучающийся Юрков Д.В.

Красноярск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПОВЕДЕНИЯ СУИЦИДЕНТОВ	10
1.1. Подходы к исследованию суицидального поведения.....	10
1.2. Проблема исследования социального сознания суицидентов как целостной структуры социальных представлений.....	34
1.3. Психологические особенности подросткового возраста в аспекте формирования суицидального сознания и суицидального поведения....	42
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	48
ГЛАВА II. АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ СУИЦИДЕНТОВ	54
2.1. Организация и методы исследования	54
2.2. Разработка типологии суицидентов на основе анализа категориальной структуры социального сознания.....	68
2.3. Анализ особенностей социального сознания суицидентов – современных старших подростков.....	81
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	106
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	108
ПРИЛОЖЕНИЕ	122
Приложение А	122
Приложение Б.....	138

ВВЕДЕНИЕ

Самоубийство, по мнению многих исследователей этой проблемы, является, пожалуй, самой трудноразрешимой проблемой человечества в XX – начале XXI вв. Динамика распространения этого явления такова, что с каждым десятилетием количество суицидов значительно возрастает практически во всех странах. Проблема остро стоит и для России. Большинство специалистов отмечает, что по уровню самоубийств в конце XX века Россия вышла на одно из первых мест в мире. В последнее десятилетие улучшается ситуация в популяции взрослых, при этом нарастает количество детских и подростковых суицидов.

В «Методических рекомендациях по организации региональной суицидологической службы» (Приказ Минздрава России от 6 мая 1998 г. № 148) отмечается: «В последние годы число завершенных самоубийств в России составляет более 40 на 100 тыс. населения. По данным Всемирной организации здравоохранения, уровень самоубийств более 20 на 100 тыс. населения является критическим. В ряде регионов России (Волго-Вятский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный, Уральский) этот показатель достигает 65–81, в Республиках Коми, Удмуртия 150–180 на 100 тыс. населения» [39, с. 7].

По данным Московского НИИ психиатрии и Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, в течение 1991–1995 гг. число завершенных самоубийств в России увеличилось в 1,6 раза» [там же, с. 6–7].

В 1999 г. в России было зарегистрировано 57 276 завершенных самоубийств (показатель уровня самоубийств 39,3).

В общем числе самоубийств, ежегодно регистрируемых в мире (от 600 тыс. до 1 млн), Российской Федерации принадлежит доля, несоизмеримая с соотношением населения страны и мира. С учетом того, что по данным многочисленных исследований, на одно завершённое самоубийство

приходится от 10 до 20 суицидальных попыток (покушений на самоубийство, не закончившихся смертью), то тенденция, связанная с добровольным уходом из жизни, является угрожающей для демографического положения страны.

Наибольшие цифры роста смертности по причине самоубийства, по данным официальных «Демографических ежегодников России» за 2000–2002 гг., издаваемых Госкомстатом РФ, отмечаются среди населения трудоспособного возраста. Особенно резкий рост уровня самоубийств на протяжении этих лет отмечается у трудоспособных мужчин (количество мужских суицидов примерно в 7 раз больше, чем у женщин). По данным Международного независимого центра информации, число самоубийств и попыток самоубийств в России возросло в 2000–2002 гг. по сравнению с 1985 г. более чем в десять раз [39, с. 7].

С 2002 года количество взрослых суицидов в России постепенно снижается (с 10-го места в мировом рейтинге стран с самым высоким уровнем самоубийств РФ переместилась на 14-е). Второе десятилетие XXI века характеризуется снижением уровня смертности от самоубийств на большей части территории Европы. По данным ВОЗ, за это десятилетие снижение показателя самоубийств в Германии составило 15,3%, во Франции – 12,7%, в Беларуси – 18,9%, в Литве – 34,9%, в Украине – 34,1%, в Российской Федерации – 42,3%,

По подростковому суициду положительных тенденций в последние годы нет. Так, на каждые 100 тысяч детей 10–14 лет приходится 2,5 суицида, среди подростков 15–19 лет – 16,3. Ю.Р. Вагин пишет: «Суициды вышли на третье место среди причин смерти у подростков после несчастных случаев и убийств. Д. Майерс в руководстве по социальной психологии рассматривает факт утроения самоубийств подростков среди пяти основных негативных тенденций в Соединенных Штатах с 1960-х годов. Резко возросшее число завершённых суицидов в подростковом возрасте, и особенно среди детей до 12 лет, зависит от многочисленных социокультурных условий, которые в

деталей на сегодняшний день ещё не выяснены, честно признаются учёные. В то время, как общее количество остаётся относительно стабильным, наблюдается драматический рост самоубийств среди молодёжи: если в 1960 году среди молодых людей в возрасте 15–24 лет на 100 тысяч человек приходилось 5,2 самоубийства, то уже в 1984 году – 12,5. Количество самоубийств среди детей 5–14 лет за последнее десятилетие удвоилось. По анонимным опросам, у 30% лиц в возрасте 14–24 лет бывают суицидальные мысли, 6% юношей и 10% девушек совершали суицидальные действия» [8: 8]. С 2011 по 2015 год количество самоубийств в стране стабильно снижалось на 10% в год. Однако в 2016 году наблюдался рост на 57% в группе 14–15 лет. По оценкам Министерства здравоохранения РФ, в показателях суицида в подростковой группе за 2016 год «мы резко откатились назад на пять лет. Одной из основных причин такого положения является лавинообразное распространение «групп смерти» в социальных сетях» [82, с. 5–6].

Красноярский край относится к регионам с высокой суицидальной активностью подростков, входит в число субъектов Российской Федерации с наибольшим числом оконченных суицидов подростков. По данным ГУ МВД России по краю в 2015 году подростками совершено 26 суицидов (в 2014 году – 23), 75 несовершеннолетних совершили 76 суицидальных попыток (в 2014 году – 82). Из общего количества подростков 35 мужского пола, 66 женского. Среди суицидентов 66 чел. в возрасте 16–17 лет, 27 чел. 14–15-летних, 8 чел. до 14 лет. Причинами совершения ими суицида или суицидальной попытки считаются: депрессивное состояние, конфликты с родителями, родственниками, привлечение внимания окружающих (2 чел), высок процент неустановленной мотивации (26 чел).

Таким образом, проблема суицида не только остается актуальной в современном обществе, но и приобретает остроту в связи с «омоложением» суицидентов и изменением пропорции суицидентов в различных возрастных

группах, в группе подростков – в сторону увеличения. Этим определяется **актуальность** нашего исследования.

В социальных науках интерес к проблеме суицида появился совсем недавно. По мнению Г. Чхартишвили, «настоящий», т.е. востребованный обществом интерес к проблеме суицида возник лишь в конце прошлого века, когда в урбанизированной Европе самоубийство стало превращаться в серьезную социальную проблему [119, с. 10]. Именно тогда появилось классическое исследование Э. Дюркгейма «Самоубийство» (1897), вслед за которым начали появляться и другие работы о суициде. В дореволюционной России темы самоубийства (вернее, лишь ее религиозно-нравственного среза) успела коснуться только художественная литература. После 1917 года в течение семидесяти лет существование проблемы в СССР отрицалось. Официальная статистика скрывала реальные данные, проводился подсчет только тех случаев, которые относились к категории «потерпевшие от доведения до самоубийства».

Проблема суицида – мультидисциплинарная проблема. Для понимания феномена суицида становится недостаточно апеллировать к экономическим, социальным факторам формирования суицидального поведения, характеру внутрисемейных отношений, другим подобного рода факторам. С точки зрения трансформации сознания у суицидентов разных возрастов и социальных слоев нарастает значимость исследований не столько внешних факторов развития суицидального поведения, сколько структурно-семантических особенностей социального сознания человека. Витальные ресурсы современного человека, полагаем, лежат не только в области реальных социальных или социально-экономических отношений. Вероятно, в современном типа коммуникациях, позволяющих организовать и поддерживать большое число контактов, даже в ситуации психологической поддержки, именно особенности социальных представлений определяют суицидальное поведение человека. При этом важно отметить, что в современной суицидологии практически не существует семантических

исследований, которые позволили бы понять, какова организация семантических структур социального сознания суицидентов, что значимо для выявления внутренних ресурсов личности в задачах ранней коррекции и преодоления суицидального поведения.

Выделим существующие в суицидологии, психолого-психиатрической помощи и психолого-педагогической практике противоречия:

1) между признанием существования сложных, многоуровневых психических структур – факторов развития суицидального поведения и с другой стороны, поиском причин суицидального поведения во внешних факторах;

2) между пониманием уникальности семантических структур личности и недостаточным количеством исследований по проблеме семантических особенностей социального сознания суицидентов;

3) между научными данными о высоком риске развития суицидального поведения в подростковых возрастах и недостаточным качеством психолого-педагогической профилактики в образовательных организациях.

Проблема исследования: каковы особенности суицидального сознания старших подростков и возможности улучшения качества психолого-педагогической и психиатрической помощи в ее семантическом аспекте, находящем выражение в текстах психиатров, психологов образования, педагогов подростковой школы.

Цель исследования: выявить особенности социальных представлений суицидентов – старших подростков.

Объект исследования: социальные представления подростков.

Предмет: особенности социальных представлений суицидентов – старших подростков.

Гипотеза исследования: социальные представления суицидентов – современных старших подростков имеют следующие особенности: тенденцию к мифологизации смерти и посмертной реальности;

недифференцированную систему представлений о возможных вариантах будущего; амбивалентность представлений о себе и ближайшем социальном окружении (члены семьи, друзья).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

– выявить содержание научных источников по проблеме суицида, социального сознания, методологии психологического исследования данных проблем;

– выделить социальные представления суицидентов как семантические категории их социального сознания и провести на этой основе концептуальный анализ (анализ концептов/понятий);

– разработать типологию социального сознания как систем социальных представлений (семантическую типологию суицидентов);

– определить особенности социальных представлений суицидентов – старших подростков.

Методологическую основу исследования составили: системный подход (Б.Ф. Ломов, В.А. Ганзен и др.), деятельностный подход (А.Н. Леонтьев), коммуникативный подход, положения о связи языка и сознания (А.Р. Лурия, О.С. Виноградова), теория речевой деятельности, положение о психологическом содержании вербального высказывания (А.А. Леонтьев), концепция репрезентации социальных представлений, содержания социальных отношений в формах речи и языка (И.Г. Маланчук), концепции интенционального содержания вербальных текстов (Н.Д. Павлова, Н.А. Зачесова, И.Г. Маланчук, Т.Н. Ушакова, в отношении суицидального поведения – концепция Э. Шнейдмана).

В ходе исследования использованы методы и методики: теоретический анализ и синтез; метод экспертных оценок, контент-анализ, интент-анализ, концептуальный анализ; математико-статистические методы: кластерный анализ; методика «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев).

Материалом исследования являются: предсмертные записки суицидентов (N=70); тексты терапевтических бесед с суицидентами – старшими подростками (N=10).

Научная новизна работы в теоретическом плане состоит в разработке системной концепции суицидального поведения с акцентом на осознание и представление в языке суицидальной мотивации, социальных представлений, особенностей коммуникации и особенностей переживания социальных эмоций. Предложена авторская методика анализа суицидальных текстов в целях разработки семантической типологии суицидентов и в целях повышения наукоемкости психотерапии суицидального поведения.

Практическая значимость работы: работа способствует повышению обоснованности семантического и коммуникативного компонентов психотерапевтической практики суицидального поведения и коррекции суицидального сознания; материалы будут использованы в программах курсов повышения квалификации психологов образования и психотерапевтов.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, включающего 127 наименований (28 – на англ. языке), приложения.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПОВЕДЕНИЯ СУИЦИДЕНТОВ

1.1. Подходы к исследованию суицидального поведения

Определение самоубийства, включающее важнейший критерий отграничения этого феномена от сходных с ним явлений, было дано в классическом труде французского социолога Э. Дюркгейма «Самоубийство» (1897): «Самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или посредственно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах. Покушение на самоубийство — это вполне однородное действие, но только не доведенное до конца» [33, с. 8]. Более ёмкое определение дал суицидолог М. Фарбер (1968): «Самоубийство — это сознательное, намеренное и быстрое лишение себя жизни» [39, с. 17].

До настоящего времени среди исследователей этого явления нет единого мнения о том, какое толкование является наиболее точным, ёмким и диагностичным. В этом смысле приведем еще несколько примеров трактовок суицида, представленных И.Е. Мариной: «В словаре «Психология» под общей редакцией А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского *суицид* (от английского *suicide* — самоубийство) рассматривается как акт самоубийства, совершаемый человеком в состоянии сильного душевного расстройства либо под влиянием психического заболевания; осознанный акт устранения из жизни под воздействием острых психотравмирующих ситуаций, при которых собственная жизнь как высшая ценность теряет для данного человека смысл» [72, с. 11].

В толковом словаре психиатрических терминов самоубийство характеризуется как умышленное лишение себя жизни, которое наблюдается

при психических заболеваниях, главным образом протекающих с депрессией, а также и у психически здоровых. [72, с. 11].

В.В. Юрчук описывает суицид как акты самоубийства, которые совершает человек в состоянии психоаббераций – психоаномалий, аффектов или же под воздействием каких-либо психических патологий – заболеваний; самоубийство может быть также вполне осознанным актом ухода из жизни субъекта под влиянием экстремально-психотравмирующих обстоятельств, когда уже собственное Эго и прожитая жизнь теряют, таким образом, для индивида всякую значимость, смысл, ценность» [122, с. 23–27].

Между тем, в 1923 году А.Ф. Кони в статье «Самоубийство в законе и жизни» полагал, что объяснять самоубийство наличием душевных заболеваний ошибочно: «Увеличения последних отрицать нельзя, но наблюдения показывают, что то и другое явление увеличивается под влиянием самостоятельных причин, вне зависимости друг от друга, причем развитие душевных заболеваний всегда превосходит увеличение народонаселения, но в меньшей мере, чем самоубийства». Поэтому «самоубийство должно считаться результатом сознательной и дееспособной воли, покуда не будет в каждом отдельном случае доказана наличием ясно выраженной душевной болезни» [52, с. 455].

В 1988 году было предложено определение суицида для МКБ-10: «Акт с фатальным исходом, который умышленно был начат и исполнен самим погибшим субъектом, при условии знания или ожидания последним такого исхода, причем исход рассматривается субъектом как инструмент в достижении желаемых изменений в самосознании и социальном окружении» [3, р. 143–149]. Выделение завершеного суицида в этом определении считается единственным правильным термином для этого явления [19, с. 14–21], с чем мы согласны, поскольку описание исхода суицида не является точным – хотя бы в силу того, что не учитывает желания суицидента изменить, прежде всего, эмоциональное состояние и качество эмоциональных отношений, перестать испытывать психологическую боль.

При определении форм, характеризующих суицидальное поведение, разные авторы используют по-разному трактуемую терминологию. Наиболее приемлемой считается классификация, разработанная еще в СССР в суицидологическом центре Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР под руководством профессора А.Г. Амбрумовой [2, с. 44–59]. Подробнее эту концепцию проанализируем ниже.

Суицидальной активностью можно назвать любую внешнюю или внутреннюю активность, направляемую стремлением лишить себя жизни. Таким образом, суицидальное поведение – во всей его протяженности – реализуется одновременно во внутреннем (антивитальные переживания, суицидальные мысли, замыслы и намерения) и внешнем планах (подготовка в суициду, суицидальные действия). При ранней диагностике внутренней активности суицидальный акт может быть предотвращен [108, с. 59–73].

Суицидальные действия включают суицидальную попытку и завершённый суицид. Суицидальная попытка – это целенаправленное оперирование средствами лишения себя жизни, не закончившееся смертью. Попытка может быть обратимой и необратимой, направленной на лишение себя жизни или на другие цели. Завершённый суицид – действия, завершённые летальным исходом.

Суицидальные проявления включают в себя суицидальные мысли, представления, переживания, а также суицидальные тенденции, среди которых выделяют замыслы и намерения. Пассивные суицидальные мысли характеризуются представлениями, фантазиями на тему своей смерти (но не на тему лишения себя жизни как произвольного аутодеструктивного действия). Суицидальные замыслы – это более активная форма проявления суицидальности. Тенденция к самоубийству нарастает в форме разработки плана: продумываются способы, время и место самоубийства. Суицидальные намерения проявляются тогда, когда к замыслу присоединяется волевой компонент – решение, готовность к непосредственному переходу во внешнее поведение.

В.С. Ефремов предлагает следующую систематику аутоагрессивных действий, связанных с суицидальным поведением либо исключаящих его:

суицид – действия человека непосредственно имеют целью ясно осознаваемое намерение прекращения собственной жизни;

парасуицид – действия, которые могут привести к смертельному исходу, но или не имеют прямого умысла на прекращение собственной жизни, или их мотивы не могут быть четко верифицированы (ни самим субъектом, ни анализирующим случившееся специалистом). В обоих случаях своеобразие мотивационной составляющей определяется, прежде всего, особенностями психического состояния человека во время совершения аутоагрессивных действий;

Действия человека, связанные с демонстрацией намерения прекращения собственной жизни при его отсутствии (так называемый «*демонстративно-шантажный суицид*»), наиболее часто используемый в подобных случаях термин). При этом автор полагает, что *аутоагрессивные действия*, не связанные с суицидальным поведением, могут быть обусловлены самыми различными мотивами и намерениями субъекта, за исключением намерения прекращения собственной жизни, невозможности однозначного исключения этого или его демонстрации. Наряду с призывом для изменения поведения других людей или привлечения внимания к себе здесь может присутствовать самая различная мотивация: снятие эмоционального напряжения, абстиненции и др., вплоть до экспериментов с собственной жизнью в процессе научного исследования [39, с. 49].

Форма и степень выраженности суицидального поведения определяется множеством факторов, оказывающих влияние на личность в течение всей жизни.

Этиология суицидального поведения достаточно сложна, в ней обнаруживается целый комплекс разнообразных психологических и социальных факторов. Так, например, высокие показатели суицидов коррелируют с такими показателями как мужской пол, увеличением возраста,

вдовством, отсутствием семьи и детей, высокой плотностью населения, проживанием в крупном городе, высоким общим жизненным стандартом страны, экономическими кризисами, состоянием алкогольного опьянения, некоторыми психическими нарушениями и некоторыми соматическими заболеваниями [103, с. 280].

И.Е. Марина считает, что суицидальное поведение личности определяется тремя группами факторов: социальные (экономические условия, эпоха, военное или мирное время, род занятия, семейное положение и круг общения, городская или сельская местность), индивидуальные (пол, возраст, религиозная принадлежность, имеющиеся ранее попытки самоубийства), клинические (психические расстройства, состояние здоровья, алкоголизм и наркомания) [72, с. 45–67].

Необходимо иметь в виду, что те, у кого имеются даже несколько факторов риска самоубийства, далеко не всегда его совершают, и наоборот, самоубийство могут совершить люди, не имеющие к нему, казалось бы, никаких предпосылок, поэтому считается, что предсказать самоубийство чрезвычайно сложно [там же, с. 35–36].

Определение степени реального суицидального риска, по мнению А.Г. Амбрумовой, всегда должно проводиться на основании двух рядов факторов: не только на основании суицидальных мотивов, но и на основании противосуицидальных [3, с. 54].

Ю.Р. Вагин выделяет 9 основных противосуицидальных защитных мотивационных комплексов:

– витальная мотивация, понимаемая как естественный для человека страх перед смертью, связанный с инстинктом самосохранения;

– религиозная мотивацию, которая отражает сформированные представления о самоубийстве как о грехе, страх погубить свою бессмертную душу, обречь себя на вечные мучения;

– этическая мотивация, отражающая внутреннюю психологическую неприемлемость самоубийства из-за нежелания делать больно родным и

близким людям, причинять страдания окружающим, этический императив «жить ради тех, кто рядом», невозможность умереть из-за зависящих от него людей (например, детей);

– моральные мотивы, отражающие представления о самоубийстве как о слабости и трусости, «позорном бегстве», представления о том, что только безвольный человек может покончить с собой, страх осуждения со стороны окружающих, нежелание оставить после себя «плохую память»;

– эстетические мотивы, отражающие восприятие самоубийства как некрасивого поступка, способность человека представить своё тело после самоубийства, невозможность воспользоваться тем или иным способом по чисто эстетическим соображениям;

– нарциссическая мотивация как любовь и жалость к себе; нежелание умирать, не окончив все дела; представления о том, что ещё многое можно в жизни сделать и пережить;

– когнитивная надежда – уверенность суицидента в том, что что-то можно сделать, поиск другого выхода, надежда найти другое решение проблемы, убеждённость, что выход всё-таки есть и, если он сам не видит его, это не значит, что выхода не знает кто-то другой;

– временная инфляция – надежда, что время – «лучшее лекарство» от всех проблем; желание выждать хотя бы какое-то время перед тем, как решиться на суицид; убеждение, что на смену чёрной полосе всегда приходит белая, и если проблему нельзя решить, то её можно пережить;

– финальная неопределенность как неуверенность в доведении самоубийства «до конца», незнание надежных способов самоубийства, опасение, что может получиться так, что на всю жизнь человек останется инвалидом [16, с. 151–161].

Одной из основных проблем суицидологии является определение границ суицидального поведения.

Существуют две крайние точки зрения: часть исследователей считают, что к суицидальному поведению относятся только завершённые

самоубийства и покушения на них. Основными признаками суицида при этом считают истинность суицидальных намерений и серьезность предпринимаемых действий по прекращению жизни: считается, что только летальный исход подтверждает истинность суицидальных намерений, поэтому объектом суицидологии должны являться только завершённые суициды [39, с. 28].

Согласно другой точке зрения, к суицидальному поведению относятся любые формы аутодеструктивного поведения, а суицид рассматривается как один из видов саморазрушающего поведения.

Такое разделение мнений ученых, занимающихся этим вопросом, отражает сложность оценки многих явлений, смыкающихся с суицидом в его «классическом» понимании.

В психологии суицид стал исследоваться, начиная с XIX в., когда появляются труды З. Фрейда, ставшие фундаментальными исследованиями в психологии по этой теме. З. Фрейд, как известно, выдвинул теорию инстинкта смерти, в соответствии которой каждый человек предрасположен к самоуничтожению, когда целый ряд обстоятельств и факторов в некоторых случаях приводит к самоубийству. Он утверждал, что самоубийство является отрицанием жизни из-за страстного желания смерти. Работа З. Фрейда «Печаль и меланхолия» посвящена теории суицида. Он формулирует представления о двух видах влечений: инстинкт жизни (Эрос) и влечение к смерти, разрушению и агрессии (Танатос). З. Фрейд подчёркивал, что суицид, по сути являющийся «убийством наизнанку», не должен быть оправдан и должен быть предотвращен [72, с. 6–7].

К. Меннингер соглашался с З. Фрейдом в том, что в жизни человека существует напряжённая борьба между инстинктами самосохранения и саморазрушения, называя их конструктивными и деструктивными тенденциями личности. Он предпринял наиболее свободную и последовательную экстраполяцию суицидальных феноменов на самые

различные моменты жизни и поведения человека. В сферу суицидального поведения были включены:

– хронические формы самоубийств (аскетизм, мученичество, неврастению, алкогольную зависимость, антиобщественное поведение и психоз),

– локальное самоубийство (включает членовредительство, симуляцию, полихирургию, преднамеренные несчастные случаи, импотенцию и фригидность),

– органическое самоубийство (болезни, являющиеся «носителями саморазрушительного элемента, который проявляется в разнообразных формах самоуничтожения, таких как самоубийство, т.е. в самой очевидной и необратимой форме, органических и истерических заболеваниях, а также в таких привычках как курение и т.д.)» [39, с. 25].

На основе исследования глубинных мотивов самоубийства К. Меннингер выделил три составные части суицидального поведения. Для того чтобы совершить самоубийство, во-первых, необходимо иметь желание убить; во-вторых, необходимо испытывать желание быть убитым; последним составным побуждением является желание умереть. Одновременное наличие всех трех элементов, как правило, приводит к трагическим последствиям, а отсутствие какого-либо компонента или их временная разнесенность обуславливает относительно более «мягкие» формы аутоагрессивного поведения [там же, с. 27–28].

В работах А. Адлера говорится о том, что стремление разрешить определенные жизненные проблемы побуждает людей к преодолению своей неполноценности. Но если некоторым индивидам это не удастся, они начинают испытывать потребность уничтожать окружающих. Суицид в этом контексте является скрытой атакой на других людей. Посредством саморазрушения человек стремится вызвать сочувствие к себе и осуждение тех, кто ответственен за его заниженную самооценку [52, с. 23–47].

К.Г. Юнг, касаясь вопроса о самоубийстве, указывал на бессознательное стремление человека к духовному перерождению, которое может стать важной причиной смерти от собственных рук. Люди не только желают уйти от невыносимых условий настоящей жизни, совершив самоубийство, но и, как полагает К.Г. Юнг, торопятся со своим метафорическим возвращением в чрево матери, после чего они превратятся в детей, вновь рожденных в безопасности [125, с. 112–115].

К. Хорни считала, что суицид может возникнуть как следствие детской зависимости, глубоко укоренившихся чувств неполноценности или того, что она называет «идеализированным образом», имеющимся у человека о самом себе. Самоубийство может быть также «суицидом исполнения» из-за возникновения у человека чувства несоответствия стандартам, предъявляемым обществом. В соответствии со взглядами К. Хорни, суицид является результатом сочетания внутренних, глубинных характеристик личности и факторов окружающей социальной среды [117, с. 224].

Н. Фарбероу в своей книге «Многоликое самоубийство» впервые описал и систематически исследовал те формы аутодеструктивного поведения, которые до этого не относились к суицидальным: злоупотребление различными веществами, включая наркотики, алкоголь и табак; соматические болезни, например, заболевания сердца или травмы позвоночника, при которых пациенты не соблюдают назначенного лечения и режима; преступления, проституция, делинквентное поведение, которые создают риск разрушения личности; рискованные виды спорта и др. [6, с. 23–39].

В. Франкл рассматривал самоубийство в ряду таких понятий, как смысл жизни и свобода человека, а также в связи с психологией смерти и умирания. В конечном счете, самоубийца не боится смерти – он боится жизни, считал В. Франкл. Человек решается на самоубийство, когда под влиянием тех или иных обстоятельств его существование утрачивает смысл. Человек, как бы ни был он поглощен своими повседневными делами и

заботами, хочет не просто жить, но и ощущать ценность своей жизни, чувствовать, что его существование, его деятельность, преодоление препятствий, устремленность в будущее имеют смысл [110, с. 97].

Эту точку зрения оспаривает Ю.Р. Вагин в своей работе «Авитальная активность»: «Подозревать у человека постоянное стремление к поиску смысла жизни – то же самое, что думать, будто человек, катающийся на американских горках, вместо того, чтобы получать удовольствие, постоянно думает, зачем он это делает. Нормальный человек редко задумывается о смысле своего существования» [16, с. 122]. Вопрос и сомнения о смысле часто возникают в период кризиса аутентичности. И это, по мнению Ю.Р. Вагина, крайне опасно в суицидогенном плане. Опасно в том смысле, что «...именно в эти моменты человек может ощутить бессмысленность собственного существования особенно остро и этой осознанной фрустрации может оказаться вполне достаточно не только для эмоционально-когнитивной психической деятельности, но и для поведенческого акта» [там же, с. 123]. «Поэтому вопрос о смысле жизни – вопрос нехороший, и чем реже он будет возникать, тем счастливее будет жизнь конкретного человека и жизнь всех людей» [там же, с. 123]. Поиск смысла жизни, по его убеждению, рано или поздно обязательно приводит в одной из двух форм самоубийства – собственно суициду либо к вере, которую Ю.Р. Вагин считает самой распространенной формой личностного самоубийства. Автор убежден, что проблемы суицидального и аддиктивного поведения невозможно понять и без учёта глубоко лежащего пласта *авитальной активности* – биологической и поведенческой активности, направленной непосредственно против жизни.

В отношении подростков-суицидентов он пишет: «Я вижу, что в основе аддиктивного и суицидального поведения подростков лежит принципиальное поражение их жизненных сил (витальной активности) силами распада и смерти (авитальной активностью)» [там же, с. 7]. В основе как аддиктивного, так и суицидального поведения лежит «...сложный процесс расщепления сознания, когда одна часть сознания подростка может быть настолько

независима от другой, настолько агрессивно настроена против другой, что реально может выдать приказ на её уничтожение. И только меры психологического и психотерапевтического воздействия способны наладить их контакт между собой и остановить саморазрушительный процесс аддиктивного поведения» [16, с. 22]. В основе функционирования этих расщепившихся частей сознания лежит глубоко скрытое бессознательное желание умереть и вернуться к начальному недифференцированному (целостному) состоянию.

Социально-психологической концепцией суицида является уже упомянутая нами концепция А.Г. Амбрумовой и ее коллег, разработанная в суицидологическом центре Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. Авторы предложили понимание суицида как феномена социально-психологической дезадаптации личности [3, с. 100]. Рассматривая социально-психологическую дезадаптацию в динамике, ведущей к суициду, исследователи выделяют две фазы: predispositional и suicidal.

Predispositional фаза дезадаптации не является, с их точки зрения, прямой детерминантой suicidal поведения. Решающее значение для перехода ее в suicidal имеет конфликт. Конфликт, переживаемый личностью, образуется из двух или нескольких разнонаправленных тенденций, одну из которых составляет основная, актуальная в данный момент потребность человека, а другую – тенденция, препятствующая ее удовлетворению. Конфликт при этом может быть внешним и внутренним.

Разрешение конфликта зависит от значимости сферы, в которой он происходит, и от системы резервных адаптационных механизмов. В случае их слабости, т.е. в условиях predispositional дезадаптации, и невозможности реальным способом изменить конфликтную ситуацию, единственной реакцией, подменяющей собой все другие типы, оказывается суицид как способ самоустранения от всякой деятельности [там же, с. 24].

Э. Дюркгейм, представитель социологического направления исследований суицида, утверждал, что самоубийство может быть объяснено

как реакция человека на особенности общества, в котором он живет. Э. Дюркгейм установил взаимосвязь суицида – поступка конкретного индивида – с окружением, в котором он существует. Исследователь выделил те различные состояния (факторы) социальной среды (религиозные верования, семья, политическая жизнь и т.д.), под влиянием которых изменяется процент самоубийств. По причинам, вызывающим самоубийства, они делятся на эгоистические (выпавший из сообщества), альтруистические (слишком преданный сообществу, принимающий смерть «за компанию») и аномичные (в отсутствии общечеловеческих ценностей, норм и правил поведения) [33, с. 80].

Эгоистические самоубийства Э. Дюркгейм концептуализирует следующим образом: если считать эгоизмом такое состояние индивида, когда индивидуальное «я» резко противопоставляет себя социальному «я» в ущерб последнему, то можно назвать эгоистичным тот частный вид самоубийств, который вызывается чрезмерной индивидуализацией. Коллективная связь, сплоченность общества задерживает самоубийства. Когда сплоченность общества ослабевает, индивид отходит от социальной жизни и ставит свои личные цели выше стремления к общему благу [там же, с. 82–83].

Альтруистическое самоубийство, напротив, является следствием недостаточно развитой индивидуальности. К этой категории, например, относится самоустранение стариков в примитивном обществе. По Э. Дюркгейму, альтруистический суицид является приметой «обществ низшего порядка». Человек кончает с собой из «общественных» соображений, когда социум оказывает на личность сильное психическое давление, побуждая ее к самоуничтожению. Примерами могут служить массовые самоубийства в фанатичных и тесно сплоченных религиозных общинах. Общественный интерес подавляет личный там, где «я» не принадлежит человеку [там же, с. 84].

Аномичное самоубийство становится массовым явлением в период любых значительных социальных потрясений – причем не только

отрицательных, но и положительных. Резкое изменение общественного и имущественного статуса влечет за собой волну самоубийств среди тех, кто не смог приспособиться к новым условиям. Всякое нарушение равновесия, потрясение основ толкает на добровольную смерть [там же, с. 85].

Э. Дюркгейм, таким образом, полагает, что уровень самоубийств в популяции напрямую связан с ее степенью сплоченности: семейной, религиозной и политической интеграцией.

Явившись, по сути, основателем суицидологии, Э. Дюркгейм создал стройную теорию суицидальной мотивации, но она с очевидностью объясняет лишь один, пусть даже широкий, аспект суицидальных побуждений. Тем не менее, его работа «Самоубийство» (1897) дала толчок новым изысканиям, и уже в начале XX века появилось целых три школы суицидологии: социологическая (т.е. собственно дюркгеймовская), антропологическая (выводящая суицидальность из аномалий в строении и развитии организма) и психиатрическая. Впоследствии к ним добавились такие школы как психоаналитическая, биохимическая (сделавшая главными виновниками гены и гормоны) и так называемая макроприродная (которая искала причину в воздействии окружающей природной среды, географических условиях и т.д.) [119, с. 148].

Со временем стало очевидно, что ни одно из направлений неспособно объяснить феномен суицида во всей его полноте. Это выяснилось в ходе обширных статистических исследований, которые помогли ученым выявить общие тенденции, но так и не решили тайну каждого отдельного самоубийства, что закономерно. К. Ясперс по этому поводу писал: «Эти и другие статистические закономерности, точные цифры которых нужно искать в работах по моральной статистике, не дают никакого представления об отдельной душе: они не устанавливают никакого закона, которому был бы подчинен каждый отдельный человек. Это количественные отношения, действительные только для больших чисел, которые дают представление об общих особенностях народов, возрастов и полов – как и каузальные факторы,

они оказывают влияние, но в единичном случае не являются решающими» [127]. «Только по видимости более психологически глубоко проникает статистика движущих мотивов. Она дает определенные закономерности процентов самоубийств от пресыщения жизнью, физических страданий, страстей, пороков (в том числе морфинизма, алкоголизма), скорби и печали, раскаяния, страха перед наказанием, неприятностями и конфликтами. Но в этих закономерностях, пожалуй, больше выражается типичная оценка близких родственников и полицейских органов, чем психологическая действительность того, кто совершает самоубийство. Тот, кто однажды испытал близость самоубийства, если он одарен любовью к людям и даже слабой психологической проницательностью, поймет, что ни один мотив не может сделать это событие понятным. В конце концов, всегда остается тайна. Но именно поэтому можно до бесконечности пытаться понять, что можно установить и познать эмпирически» [127 с. 27–28].

Похожим образом высказывались и другие авторы: «Ни одна область познания «черного феномена», например, социология, психология, медицина, – не удовлетворяет честных исследователей в течение вот уже целого столетия. Не решает всех проблем анализа феномена самоубийства и выделение суицидологии в отдельную область исследования, в которой дескрипция превалирует» [54, с. 45–47].

Большинство исследователей суицида отмечают, что основным вопросом, на который вот уже больше века пытаются дать ответ ученые, остается вопрос о том, почему человек добровольно выбирает смерть? Какие силы движут им в этом выборе? Какой вопрос решается в психической реальности человека, когда он стоит перед этим выбором? И почему так много людей выбирают не жить? Еще А. Камю полагал этот вопрос основным: «Есть только одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или нет жизнь того, чтобы ее прожить, значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [119, с. 96].

Как писал Н. Бердяев в психологическом этюде «О самоубийстве», «Самоубийство есть психологическое явление, и, чтобы понять его, нужно понять душевное состояние человека, который решил покончить с собой. Самоубийство совершается в особую, исключительную минуту жизни, когда черные волны заливают душу и теряется всякий луч надежды. Психология самоубийства есть, прежде всего, психология безнадежности. Безнадежность же есть страшное сужение сознания, угасание для него всего богатства Божьего мира, когда солнце не светит и звезд не видно, и замыкание жизни в одной темной точке, невозможность выйти из нее, выйти из себя в Божий мир» [6, с. 12–13].

В последние двадцать лет одной из активно разрабатываемых и продуктивных в суицидологии концепций является концепция стресс-диатеза (стресс уязвимости). Согласно этой концепции, суицидальность (от суицидальных мыслей до попытки и завершеного самоубийства как суицидальных феноменов) в значительной степени определяется дезадаптивной уязвимостью к стрессу. Уязвимость к стрессу понимается характеристика, включающая психологические и поведенческие проявления, которая может усиливаться при неблагоприятном протекании ранних периодов развития личности и в основе которой лежат преимущественно биологические механизмы [17, с. 25–30], в том числе, эпигенетические [23, с. 144–151].

Проблемы, рассматриваемые в рамках данной концепции, следующие: как влияют на суицидальную идеацию и поведение негативные жизненные события (НЖС) – отдаленные и непосредственные (триггерные); связь между НЖС и суицидальными тенденциями в различных возрастных группах, объективный и субъективный уровни стресса в генезисе суицидальных идеаций и поведения. Так, с суицидальным поведением ассоциированы переживание острого горя, разрывы отношений, межличностные конфликты (особенно внутрисемейные), финансовые и иные потери, проблемы с законом и жизненные «провалы и катастрофы» [100, с. 25]. При этом установлено, что

физическое и сексуальное насилие, конфликты в семье и разрывы отношений обычно коррелируют с частотой и тяжестью суицидальных попыток у молодых людей [25, с. 249–259], а одиночество, тяжелые заболевания, изменения привычного уклада жизни и финансовые проблемы являются факторами повышенного риска самоубийств в основном у пожилых [9, с. 278–291].

В последнее время наблюдается повышенный интерес к суицидогенной роли стресса в подростковом возрасте. Предшествующие исследования были сконцентрированы на роли стрессовых событий в жизни взрослых, несущих ответственность за себя и свою семью и в большей степени подверженных стрессу жизни. Считалось, что дети и подростки, за которых ещё отвечают взрослые, в этом отношении не столь уязвимы. И действительно, установлено, что число НЖС нарастает к 45–50 годам, с небольшой разницей у мужчин и женщин [40, с. 39–44]. Однако также утверждается, что подростки переживают стрессовые ситуации, возможно, даже более остро, чем взрослые и, тем более, пожилые люди, что связано с особенностями их эмоциональной и когнитивной сферы [95, с. 8–24].

Проблема методологии и методического инструментария исследований суицида, личности суицидального типа, развертки суицидального поведения и в настоящее время стоит весьма остро. Прежде всего, отметим, что существует два подхода к исследованию суицида как личностного выбора человека.

В первом случае осуществляется *ретроспективный анализ*, при котором клиницисты и исследователи пытаются получить информацию о личности самоубийцы на основании фактов его жизни. Родственники, друзья или психотерапевты могут вспомнить отдельные высказывания, конкретные разговоры и какие-то особенности поведения, которые проливают свет на личность самоубийцы. Предсмертные записки, оставляемые некоторыми самоубийцами, также дают полезную исследователям информацию. Однако у исследователей не всегда имеется доступ к этим источникам информации.

Вторая стратегия – изучение людей, оставшихся в живых после попытки самоубийства. Конечно, они могут сильно отличаться от людей, которым удалось покончить с собой. Например, многие из тех, кто остались в живых, на самом деле и не хотели умирать. Тем не менее, исследователи находят полезным изучение людей, оставшихся в живых после попытки самоубийства.

Существует не много исследований, проливающих свет на причины, побуждающие людей покончить с собой. Возможности для потенциального объяснения достаточно ограничены. Помимо исследования незавершенных суицидов и интервьюирования третьей стороны, источниками изучения могут стать статистика смертности и документы (в том числе личные). Но у каждого из источников есть свои недостатки.

«Учитывая ограничения методов сбора данных, самым игнорируемым и, вместе с тем, ценным источником в истории современной суицидологии считаются документы или повествования самих людей, покончивших с собой, то есть их предсмертные записки» [62, с. 23].

Г. Олпорт в работе «Использование личных документов в психологической науке» высказывал мысль о преимуществах использования личных документов для изучения суицидальной психодинамики [102, с. 15].

В своем исследовании мы, в частности, будем использовать предсмертные записки, которые, по мнению Э.С. Шнейдмана, являются одним из наиболее интимных личных свидетельств.

По мнению некоторых исследователей, использование такого рода материалов для изучения имеет свои ограничения, такие как трансформация реальности, «самообман, неведение мотивов, ложные воспоминания и желание вызвать определенную реакцию у тех, кто будет читать записку» [62, с. 23] – при том, что предсмертные записки оставляют лишь около трети суицидентов (по разным данным от 18% до 37%). Является ли это количество репрезентативным? Но до настоящего времени не выявлено устойчивых различий между суицидентами, оставляющими записки, и теми, кто их не

оставляет. Таким образом, мы будем придерживаться, как и многие исследователи таких документов, мнения о том, что они могут нести в себе информацию, касающуюся общей популяции суицидентов и, по мнению Э.С. Шнейдмана, особым образом раскрывают сознание человека и позволяют многое узнать [62, с 24]: каждая предсмертная записка является личным документом, раскрывающим все своеобразие личности самоубийцы и сопутствующих самоубийству обстоятельств.

Большинство предсмертных записок адресованы конкретным людям. По данным сайта <http://www.lossofsoul.com>, почти половина прощальных записок (45,5%) адресованы «всем», 27,3% – близким, 18,2% – начальникам и 9% – никому конкретно.

«Люди, пишущие такие записки, несомненно, хотят оставить впечатляющее сообщение тем, кого они покидают», – пишет Р.Дж. Комер со ссылками на работы А. Леенарса [50, с. 34]. Литературный критик О. Дарк считает, что самоубийство является своего рода заменой творческого акта. Это последнее произведение, которое всегда в запасе. Таким образом, предсмертная записка разворачивается в роман, главным героем которого является написавший ее. «Самоубийца честолюбив, как художник. Обоими руководит жажда успеха. Решающий акт – выстрел в висок или бросок на рельсы – лишь необходимая предыстория, после которой все только начинается. Этот акт с единственно ему доступной категоричностью подтверждает правомерность написанного [37, с. 15]. «Самоубийство всегда заимствовано. Во всяком случае, заимствовано его объяснение. Но ради объяснения оно и совершается. Далее: самоубийца нуждается в публике, непосредственно присутствующей или виртуальной, склонившейся над телом. Самоубийство публично и демонстративно» [там же, с. 15]. «Классический самоубийца обеспечивал присутствие публики письмом, он представлял, как его читают. На современного, «нового» самоубийцу воздействуют демонстрационные жанры (видео, жанры перформанса)» [там же, с. 16].

Предсмертное послание может быть криком о помощи, эпитафией или последней волей. И. Паперно пишет о том, что многие суицидологи, исследовавшие записки, наткнулись на тот факт, что часть из них представляют собой послания, касающиеся чисто бытовых тем, характеризуются банальностью. «Советские суицидологи, исследовавшие записки московских самоубийц конца 1970-х и начала 1980-х годов, также были разочарованы неоригинальностью самоубийц: «Иногда записки напоминают вариации одной и той же темы, разрабатываемой разными людьми, повторяются одни и те же словесные выражения, стиль и логические ходы рассуждения» [91, с. 145]. «Как в Петербурге 1870-х годов, так и в Лос-Анджелесе 1940-х и 1980-х, записки самоубийц были часто наполнены именно заботами об оставляемом после себя жалком материальном наследии — о теле и имуществе. Не меньшее разочарование вызывали у читателей записки самоубийц, которые стремились подняться над тривиальностью, обращаясь к поэтической речи» [там же, с. 147]. Всех исследователей предсмертных писем самоубийц, по мнению этого автора, ждало разочарование: свидетельства самих самоубийц не смогли пролить свет ни на причины самоубийства, ни на переживание самого акта.

Несомненно, довольно большая часть суицидальных текстов обыденны, они содержат в себе распоряжения и просьбы, касающиеся бытовых вещей, встречаются и записки, как правило, написанные молодыми людьми, содержат в себе не самый удачный опыт эпистолярного жанра, но существует также и большое количество писем, которые кричат о душевной боли, о страдании, связанном с трагическим поступком. Мы позволим себе не согласиться с данным автором. Записки, используемые для анализа в работе И. Паперно, относятся в основном к периоду второй половины XIX — началу XX века и представляют в своей основе тексты, публикуемые в прессе того времени. Эти тексты были опубликованы в приложении к книге А.В. Лихачева «Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. Опыт сравнительно-статистического исследования» (1882) и в приложении к

ежегодным статистическим отчетам, подготовленным Министерством народного просвещения, «Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся учебных заведений Министерства народного просвещения», выпуски за 1907, 1908 и 1909 года. Автор вслед за журналистами той эпохи сетует на то, что в своих посланиях суициденты не указывают мотивов своего поступка. Однако в 1923 году А.Ф. Кони в своей статье «Самоубийство в законе и жизни» пишет: «Вообще предсмертные записки самоубийц, с содержанием которых я познакомился в моей прошлой судебной службе, не только указывают на мотив, но часто рисуют и самую личность писавшего» [52, с. 455].

Э. Шнейдман, американский суицидолог, выделил 10 общих черт суицида. Под «общими чертами» самоубийств ученый понимает те проявления, которые отмечаются по крайней мере у 95 из 100 лиц, совершивших суицид, и касаются мыслей, чувств или форм поведения, наблюдаемых почти в каждом случае самоубийства. К ним Э. Шнейдман относит следующее:

- 1) общей целью суицида является нахождение решения;
- 2) общая задача суицида состоит в прекращении сознания;
- 3) общим стимулом к совершению суицида является невыносимая психическая (душевная) боль;
- 4) общим стрессором при суициде являются фрустрированные психологические потребности;
- 5) общей суицидальной эмоцией является беспомощность-безнадежность;
- 6) общим внутренним отношением к суициду является амбивалентность;
- 7) общим состоянием психики при суициде является сужение когнитивной сферы;
- 8) общим действием при суициде является бегство;

9) общим коммуникативным действием при суициде является сообщение о своем намерении;

10) общей закономерностью является соответствие суицидального поведения «общему жизненному стилю поведения» [120, с. 50–53].

Записки, оставленные самоубийцами, могут содержать все составные элементы суицидальной драмы – описывать боль, от невыносимости которой человек пытается убежать посредством суицида, страдание, отчаяние, амбивалентность, сужение сознания. В текстах могут присутствовать указания на потребности, фрустрация которых привела автора послания к суициду (по крайней мере, на одну из этих потребностей). Причем, данные сообщения обычно являются скрытыми, не заметными для поверхностного взгляда. Сам Э. Шнейдман писал об ограниченных возможностях изучения данных документов: «... эти записки просто не могут являться полными и всеобъемлющими документами по самой своей природе, ибо написаны в состоянии суженного сознания. В самом деле, если бы человек был в силах оставить после себя всесторонний, исчерпывающий и психодинамически ясный документ, то ему не требовалось бы совершать самоубийства» [120, с. 53-55]. Но по мнению исследователя, все же оптимальным путем к пониманию самоубийства является «непосредственное исследование человеческих чувств, описанных простым языком, словами самого самоубийцы. Самыми важными вопросами, которые следует задать потенциальному самоубийце, являются не направленные на выяснение истории жизни его семьи или касающиеся анализов крови и спинномозговой жидкости, а выражающие искренний интерес и заботу о жизни: «Что у вас болит?» и «Как я могу вам помочь?» [там же, с. 56].

В течение долгого времени, изучая случайно обнаруженные в Лос-Анджелесском городском архиве записки, Э. Шнейдман пытался распознать тайну суицида. Но лишь когда исследователь поместил их в контекст жизни людей, оказалось, что «...почти каждое слово в них соответствовало какой-либо детали жизненного стиля, склонности к определенному виду

фрустрации или основной теме жизни именно этого человека. Вот тут-то произошел гегелевский синтез: сами по себе предсмертные записки не являются альфой и омегой, но рассмотренные в контексте жизни, часть которой они, несомненно, представляют, они могут стать немало проясняющими и полезными документами» [120, с. 70–72]. Таким образом, в сочетании с другими источниками они могут указать клиницистам и исследователям нужное направление для проведения дальнейших изысканий.

Э. Шнейдман разработал и внедрил в клиническую практику метод «психологической аутопсии» – способа выяснения намерений суицидентов на основании бесед специалистов со всеми близкими жертве людьми, в котором собираются и фиксируются их реакции и воспоминания о происшедшем, а также анализируются предсмертные записки.

Исследователями не раз предпринимались попытки изучения предсмертных записок суицидентов. Помимо Э. Шнейдмана, анализом записок занимались А.А. Леенарс, А.Ф. Кони, А.Г. Амбрумова, Л.И. Постовалова и др. Психологи пытались найти ключи к пониманию суицида путем изучения различий между подлинными и поддельными предсмертными записками; возрастом и полом авторов; грамматическим строем записок; выбором и частотой используемых слов; сознательным и бессознательным содержанием, эмоциональными, когнитивными и мотивационными темами, затронутыми в записках, и даже особенностями почерка авторов записок [50, с. 20].

Ранние исследования предсмертных записок прибегали к подходу, использующему дескриптивную информацию. Последующие методы исследования состояли главным образом в использовании классификационного анализа и контент-анализа. В некоторых исследованиях использован теоретико-концептуальный анализ.

На основании полученных при анализе данных было сделано важное наблюдение: на содержание предсмертных записок существенное влияние оказывает возраст самоубийц. Так, люди молодого возраста в своих

предсмертных посланиях проявляют больше враждебности по отношению к самим себе и чаще упоминают о своих проблемах во взаимоотношениях с другими людьми; те, чей возраст от 40 до 49 лет часто жалуются на неспособность справиться с жизненными проблемами; люди в возрасте от 50 до 59 лет предпочитают вообще не упоминать о причинах, толкнувших их на самоубийство; и наконец, те, кому свыше 60 лет, мотивируют свой уход из жизни такими проблемами, как тяжелая болезнь, физическое одряхление и одиночество. Исследование предсмертных записок также показало, что сущность самоубийства почти не изменилась по сравнению с 1940-ми годами. Предсмертные записки, написанные в 1940-х и 1950-х годах, похожи по содержанию на современные послания, за одним исключением: современные предсмертные записки демонстрируют меньшее душевное смятение и большую ограниченность мышления своих авторов [50, с. 24–25].

Э. Шнейдман и Н. Фарбероу ввели в употребление методику изучения подлинных предсмертных записок путем сравнения в слепом исследовании с фальшивыми посланиями, написанными несуйцидальными лицами, на основе метода различий Дж.С. Милла.

А.А. Леенарс с коллегами используют в своих работах логический эмпирический анализ предсмертных записок: тексты рассматриваются как архивные источники, которые подвергаются испытанию контрольными гипотезами в соответствии с исследовательской схемой *ex post facto*. На основании 10 теорий различных суйцидологов (Адлера, Бинсвангера, Фрейда, Юнга, Меннингера, Келли, Мюррея, Шнейдмана, Салливана и Зилборга) А.А. Леенарс выделил 35 теоретических суждений, 23 из которых в значительной мере прогнозировали содержание предсмертных записок, а 17 – достоверно отличали подлинные суйцидальные послания от фальшивых записок. На основании серии исследований А.А. Леенарс сделал вывод, что суйциды можно понять теоретически на основании по меньшей мере следующих концепций или конструкций, причем первые пять –

интрапсихические (или личностные) элементы, а последующие три – относятся к межличностным (контекстуальным) факторам [62, с. 24]:

- 1) непереносимая психическая боль;
- 2) когнитивное сужение;
- 3) опосредованная агрессия;
- 4) неспособность адаптироваться;
- 5) эго;
- 6) межличностные отношения;
- 7) отвержение-агрессия;
- 8) идентификация-уход.

Данный метод был применен ученым и в кросс-культурных исследованиях суицидальных текстов. В результате сравнения выборок записок из Канады, США, Германии, Венгрии, Северной Ирландии и России было обнаружено их сходство в разных нациях и, соответственно, это впервые дало возможность говорить об общности суицидального сознания самоубийц разных национальностей (культур) [62, с. 25]. Некоторое расхождение в области межперсональных отношений было выявлено при исследовании записок из Венгрии и России [там же, с. 25]. В качестве гипотезы для дальнейших кросс-культурных исследований особенностей суицидального сознания можно предположить существенные различия у суицидентов стран Европы, Америки, а с другой стороны, стран Азии, в том числе с учетом изменений в традиционалистских культурах стран Востока.

Источником, где были собраны анализируемые нами тексты, являются интернет-ресурсы. Часть полученных писем принадлежит известным людям, писателям, ученым, музыкантам, покончившим жизнь самоубийством. Часть записок написаны обычными людьми. Некоторые тексты представляют собой довольно большие по размеру послания, другие занимают лишь одну-две строчки. Среди писем встречаются и тексты, написанные жителями других стран. В нашем анализе нас не будет интересовать возраст, пол, гражданство и общественное положение адресантов записок. Для нас важно,

что все они были написаны в определенном душевном состоянии, в котором человек принимает решение умереть. Нам достоверно неизвестно, помимо случаев, касающихся знаменитых личностей, осуществили ли авторы записок свои суицидальные намерения. Мы будем исходить из того положения, что, даже в случае, если человек передумал совершать самоубийство, в момент написания предсмертной записки он, так же как и другие самоубийцы, находился на грани смерти. Иногда подобного рода послания пишутся за несколько дней до совершения самого акта суицида, когда, может быть, решение еще не принято до конца, но это не значит, что человек в этот момент не обладает характерными чертами суицидента, «суицидальным сознанием самоубийцы» [62, с. 25]. Прощальные записки покончивших собой являются своего рода отчетом об их психологическом состоянии, всего лишь за несколько часов или минут до совершения самоубийства [50, с. 17].

Суицидальные тексты будут анализироваться нами в целях уточнения типологии суицидентов, что, как мы считаем, является значимым как для теории суицидологии, так и для предварительной ориентировки в деятельности психотерапевта, осуществляющего помощь лицам с суицидальным сознанием.

1.2. Проблема исследования социального сознания суицидентов как целостной структуры социальных представлений

Как видим, в динамике исследований суицидального поведения в XIX–XX вв. все чаще речь идет о специфике сознания суицидентов – «суицидального сознания суицидентов» (термин А. Леенарса и его коллег). Термин лишь на первый взгляд кажется избыточным, в действительности же он фиксирует особую трансформацию сознания потенциального суицидента. Определяющим в этом смысле является системный подход, который в применении к интересующему нас феномену означает следующее: в сознании суицидента возникает некое семантическое изменение, которое

задает всей системе представлений – целостной системе социального сознания – новое состояние.

Для нас являются ключевыми термины «социальное сознание» (как целостной системы социальных представлений), а не термин «сознание», «семантическая структура социального сознания», а не «семантическая структура сознания» потенциального или реального суицидента. Тем самым, исходя из представлений о социальности человека как базовой его характеристике, форм любых видов культуры как производных от социальных характеристик, мы акцентируем следующее понимание: сознание суицидентов является особой формой социального сознания. Сошлемся здесь на нескольких исследователей.

К.А. Абульханова отмечает: «Эпитет «социальный» не является простым дополнением к классическому определению мышления (впоследствии К.А. Абульханова неразрывно связывает мышление и сознание, социальное сознание и мышление – Д.Ю.) и его традиционному психологическому исследованию. Последнее изначально отправлялось от трактовки мышления как самостоятельного предмета изучения и объекта исследования. Этому способствовали характерные для отечественной психологии методологические установки – сближение мышления с познанием, реализация в психологии гносеологического подход. Этому способствовал и антропогенетический подход к мышлению – сравнение мышления животных и человека, в рамках которого обсуждались проблемы практического и наглядного мышления и интеллекта. Эту тенденцию к обособленному развитию области психологии мышления усилили и информационный подход (вольно или невольно сблизивший психологию и логику мышления), и исследование специальных проблем – технического и других видов мышления, и разработки педагогики, ориентированные на усвоение специальных понятий (физических, географических, математических), и теория ориентировочной деятельности, оптимизирующая операциональный состав мышления. Даже в области изучения творческого

мышления, где, казалось бы, связь проблемы творческих способностей с личностью совсем непосредственна и прозрачна, лишь в самое последнее время в области психологии мышления начала ставиться и исследоваться проблема связи мышления с личностью. «Чтобы преодолеть ставшую столь привычной обособленность психологии мышления, недостаточно установить связь этой области с областью проблем психологии личности. Нужно найти тот контекст, в котором эти области исследования связаны в реальном объекте и, соответственно, выделить новый предмет исследования. Нужно поставить проблему *мыслящей личности* и сделать последнюю предметом исследования» [1, с. 88–103] (Курсив наш – Д.Ю.).

Далее К.А. Абульханова пишет: «Социальность мышления личности раскрывается, прежде всего, через эту сферу, которая является предметом – областью ее мышления, и через потребность личности как субъекта соотноситься с этой сферой. Поиск и определение личностью своей позиции в этой действительности, в сплетении зависящих и не зависящих от нее детерминант, своей идентичности и идентификации – все эти жизненно-практические самоосуществления, самореализации озадачивают личность, актуализируя ее сознание, требуя его «работы». Мышление же, которое С.Л. Рубинштейн определял еще в 30-е годы как «форму сознания» <...>, является его механизмом... Сам способ мышления социален в том отношении, что он детерминирован объективной позицией личности в этой действительности, а последняя является конкретно-исторической, социокультурной. ...эта позиция, являясь изначально социально-практической, определяет точку зрения, образующую основную ось его сознания...» [там же, с. 88–103].

Чрезвычайно значимым для нашей работы является также следующее утверждение: «Существенными оказываются не столько социальные значения и категории, а те обобщения, интерпретации и выводы, которые делает для себя личность, те социально-личностные проблемы, которые она с

большей или меньшей ясностью осознает и с большей или меньшей продуктивностью решает» [там же, с. 88–103].

Анализ «представления» как психического феномена приводит исследователей к следующим выводам: «...Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределена контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и людьми» [11, р. 361–362]; «...образа событий или личностей просто не существует независимо от человека, создающего этот образ» [14, р. 230].

И.Г. Маланчук отмечает: «Предметный» мир стал на долгие годы основной темой психологических исследований восприятия, мышления, сознания, картины мира человека вне его социальности. В психологию сознания требуется ввести «антропный принцип» в «сильном» варианте: содержание сознания человека является производным от социальной значимости объектов реальности, в том числе продуцируемых человеком» [69, с. 187].

В частности, в развитие методологии и методов исследования социального сознания по фактам языка и речевых форм, И.Г. Маланчук предлагает следующее понимание: «...то, как мы осознаем реальность в самом широком смысле слова, во многом определяется структурами социального сознания. Социальное сознание человека – тот уровень, та структура сознания, которая, на наш взгляд, определяет категориальный аппарат сознания вообще и тем более – культурно обусловленный понятийный аппарат человека. Можно было бы сказать, что в языковой системе категорий социальность, задающая видение реальности, представлена всегда – имплицитно и/или эксплицитно – и может быть реконструирована с большей или меньшей степенью точности. Формы речи ... направлены на экспликацию социального и являются средством для этого» [69, с. 45].

Ряд направлений исследований социальных представлений (в иностранной литературе – теорий) в большей или меньшей степени успешно описывают закономерности, механизмы формирования социальных представлений. К таким направлениям современной науки относятся «теория социальных представлений» (С. Московичи, У. Флик и другие) и «социальное познание».

Теория социальных представлений (термин С. Московичи [14, с. 19]) как психологической теории социального [7, с. 95] разрабатывает модель социальных знаний, их конструирования, преобразования и распределения в коммуникативных и интерактивных процессах, описывает функции опыта и знаний в социальной практике [7, с. 95–96].

Теория социальных представлений восходит к Э. Дюркгейму с его разграничением индивидуальных и коллективных представлений [38, с. 208] и Г. Тарду, предложившему термин «социальный ум» [108, с. 52]. С. Московичи, в связи со спецификой исследуемого им материала – фактов языка – подчеркивает, что Г. Тард первым обратил внимание на «важную роль коллективных представлений в структуре нашего языка, наших институтов и обычаев, в то же время показав, насколько этот набор представлений составляет социальную мысль в дополнение к мысли индивидуальной» [15, с. 942]. Таким образом, от Э. Дюркгейма было унаследовано понимание роли знаний и представлений как *коллективных (социальных)* явлений [64, с. 68].

Социальные представления выступают как общий для членов социума интерактивно воспроизводимый процесс понимания явлений и способ коммуникации по их поводу [7, с. 74–75].

С. Московичи рассматривает социальные представления как многоуровневую «...систему действий, идей и ценностей, выполняющую двуединую функцию: во-первых, установить порядок, позволяющий индивидам ориентироваться в материальном и социальном мире и воздействовать на них; во-вторых, обеспечить членам сообщества

возможность общения, снабдив их кодом для социальных обменов, наименования и классификации различных аспектов жизни, индивидуальной и групповой истории» [7, с. 74].

Для нашего исследования значимой, однако, при этом является и категория индивидуальных социальных представлений. Следует понимать, что социальные представления вырабатываются человеком в его индивидуальном социальном и психическом опыте. Можно, вероятно, полагать, что индивидуальные социальные представления, в большей степени свободные от общественных норм и табу, чем коллективные, «общественные» социальные представления, задают суициденту большую свободу в выборе форм социального поведения и снижают уровень ресурсности психической системы суицидальной личности в силу того, что нормативные образцы социальных представлений и формы социального поведения в их кодифицированном репертуаре являются для суицидентов менее актуальными. Фокус сознания «обрабатывает» проблему выработки собственной социальной позиции и социального поведения.

Социальное познание – междисциплинарная область современной психологии, в фокусе которой находятся, прежде всего и особенно в последние десятилетия, (нейро) когнитивные механизмы и социальные факторы формирования и динамики социальных представлений [76, с. 6].

Развиваясь в рамках социальной психологии, социальное познание актуализировало следующую проблематику: понимание и интерпретация людьми эмоций и чувств других; процесс формирования отношения и роль социальных установок в социальной жизни; формирование самооценки и ее влияние на отношения с другими людьми; роль различных психических процессов в создании социальных представлений и др.

Г.Московиц как в цитируемой, так и в более ранних работах акцентирует необходимость изучения индивидуальных особенностей познания, направленного на социальные объекты [14, с. 27], что значимо для

нашей работы. Актуальна для нас и теория социальной идентичности, разработанная А. Теджфелом с соавторами [19, с. 80].

Г.М. Андреева, описывая психологическую, в отличие от философской и социологической, проблематику социального познания, соотносит ее «...с двумя важнейшими сферами существования человека: со сферой *осознания* им той реальности, частью которой он является, осмысления связей как внешнего мира, так и своих связей с этим миром и, конечно, со сферой его *деятельности* в мире, немислимой без такого осознания» [3, с. 30–33] (курсив источника – Д.Ю.).

Социальный конструкционизм К. Гергена ставит проблему генерирования новых форм поведения и конструирования социального мира. Гипотезы, высказанные им, таковы:

1) исходный пунктом всякого знания – сомнение в том, что окружающий мир есть нечто, разумеющееся само собой, откуда следует, что любое объяснение этого мира может быть только социальной конвенцией;

2) осмысление мира поэтому – результат активной совместной деятельности людей, вступающих во взаимные отношения, конструирование ими реальности эксплицировано в словах, формирующих значения в социальных контекстах;

3) устойчивость того или иного понимания реальности зависит от характера социальных изменений;

4) описания и объяснения мира сами конституируют формы социального действия и переплетаются с другими формами социальной деятельности [28, с. 29–30].

Как видим, теория социальных представлений и направление «социальное познание» в целом скорее ориентированы на анализ процессов конструирования членами социумом общих представлений, познания данной человеку социальной реальности. Однако существенным является то, что в рамках этих направлений некоторые авторы настаивают на изучении реальных коммуникаций и процесса индивидуальной психической

активности, которые определяют выработку индивидуальных социальных представлений. При анализе процесса построения социальных когний нужно задать и интерактивный ракурс – социальное поведение людей в его интерактивном содержании, то есть поведении обмена социальными сигналами разного качества [1, с. 14–29]. «Исследоваться ... должны сложнейшие, интегративного характера структуры, включающие:

- а) формы социального поведения взаимодействующих субъектов,
- б) возможности, особенности и результаты считывания, распознавания, понимания, интерпретации ими социальной и «смежной», становящейся социально значимой, реальностей,
- в) эмоциональную динамическую составляющую актов социального взаимодействия, коррелирующую с актами восприятия и понимания, с одной стороны, и актами продуцирования социальной информации и социального поведения, с другой стороны» [69, с. 18].

Установка современного подхода к исследованию социальных представлений в социальной психологии и дискурс-анализе состоит в том, чтобы «избавиться от мысли о том, что представления способны заключаться в имитации средствами мысли и языка фактов и предметов, обладающих собственными значениями вне дискурса, вне коммуникации, где о них идет речь» [74, с. 71].

При переходе от анализа языка к дискурсу роль теории социальных представлений, как полагает М.Л. Макаров, возрастает, поскольку она дает «возможность лучше понять соотношение психического и социального в акте речи»; «теория социальных представлений помогает решить проблему языковых репрезентаций (являющих собой частный случай социальных представлений)» [там же, с. 72–73].

Предполагаем, что особенности дискурсивных практик суицидентов могут быть определяющими в разработке и специфических социальных представлений, и в развитии суицидального поведения.

Требуется также ввести термин «аутодискурсивная практика», который, по-видимому, в большей степени характеризует социально-коммуникативное сознание суицидента, чем несуйцидента, также осуществляющего диалог внутри собственного сознания [12, с. 13–88]).

Снижение жизненной ресурсности личности может быть связано с особенностями аутокоммуникации суицидальной личности: вероятно, с определенного момента в развитии суицидального сознания формирование жесткой семантической границы между миром «я» и миром других ведет к уплощению сознания: суицидальная личность вынуждена подтверждать себя для себя же, становиться все более значимой для самой себя, семантический центр все более сдвигается внутрь самой суицидальной личности в континууме, который предварительно можно было бы обозначить как «я в мире – мир внутри меня», с ее трансформированным сознанием. Коммуникативно-смысловые самоограничения являются, как можно полагать, способом защиты единственно принимаемой, понятной и устойчивой реальности – реальности, которую моделирует сознание суицидента.

1.3. Психологические особенности подросткового возраста в аспекте формирования суицидального сознания и суицидального поведения

Возрастными границами подросткового возраста в психологии являются 10–15 лет, соответствующий началу перехода от детства к юности [122, с. 67]; 11–17 лет [там же, с. 78]. В медицинской литературе подростковый возраст определен в границах: от 10–12 до 15–16 лет у девочек и от 14 до 17–18 лет у мальчиков [там же, с. 85].

Психическая жизнь подростков противоречива: множество исследователей отмечают сочетание черт детскости (повышенная внушаемость, подчиняемость влиянию) со стремлением к взрослости. Поведение в связи с этим может быть непоследовательным, возможны поведенческие нарушения. Чрезмерные требования со стороны взрослых без

учета склонностей, интересов, потребностей подростков вызывают реакции протеста, подростки стремятся избавиться от опеки, от психологических трудностей. С другой стороны, у подростков выражена потребность вызвать сочувствие, привлечь внимание, поскольку утрачиваются привычный уровень внимания и ласки со стороны родителей. Значимость взрослого проявляется в том, что для подростка существенна не столько сама по себе возможность самостоятельно распоряжаться собой, сколько признание взрослыми этой возможности и принципиального равенства его прав с правами взрослого человека [101, с. 25].

По мнению Д.И. Фельдштейна, подростковый возраст – это остропротекающий переход от детства к взрослости. Им были выделены противоречивые тенденции социального развития, свойственные этому периоду: дисгармоничность в строении личности, свертывание прежде установившейся системы интересов ребенка, протестующий характер его поведения по отношению к взрослым. Наряду с этим отмечаются позитивные характеристики подросткового возраста: самостоятельность ребенка, содержательность отношения с другими детьми и взрослыми, развитие ответственного отношения к себе, к другим людям [111, с. 213].

У подростков выражена потребность в самоутверждении, достижению самостоятельности. Л.И. Божович подчеркивала, что стремление к взрослому положению обеспечивают подростку возможность дальнейшего развития, где ключевыми процессами является социализация и открытие и утверждение своего уникального «Я» [8, с. 31]. При этом современные старшие подростки характеризуются тем, что и любая новая ситуация, и ситуации коммуникации с привычными партнерами даже при доверительном уровне общения вызывает стремление поступать по-своему, позиционироваться как субъекту самоутверждающемуся, обладающему высокой степенью самости и самостоятельности [35, с. 128]. Выстраивание новых психологических границ со взрослыми и сверстниками приводит к конфликтам – как межличностным, так и внутриличностным (см. об этом в том числе п. 2.3 настоящей работы).

У подростков нередко так называемые реакции компенсации в случае фрустрации глубинных психологических и социальных потребностей, что может выражаться в частности, в поступках, демонстрирующих смелость, силу воли; в эту тенденцию встраивается и развитие суицидального поведения и других форм отклоняющегося и аддиктивного поведения.

И.С. Коном отмечено, что старший подростковый возраст – это «время реального перехода к настоящей взрослости, первые признаки которой появляются в младшем подростковом возрасте» [48, с. 32]. Поэтому важно, что описанные выше тенденции от младшего к старшему подростковому возрасту нарастают.

С.В. Березин и К.С. Лисецкий выделяют повышенную значимость для старших подростков тесных эмоциональных контактов; интенсивная социализация, которая может повлечь за собой обострение детско-родительских отношений, как и постоянный конфликт между потребностью в свободе и усилении контроля со стороны родителей вызывает целый комплекс личностных проблем; развитие личности подростка осуществляется через призму межличностных отношений [6, с. 21].

Главным новообразованием подросткового возраста является формирование Я-сознания. Особо подчеркнем, что для старшего подростка характерны поиск идентичности, осознание собственной индивидуальности, построение жизненного плана, при адекватной социализации – установки на сознательные сферы жизни, направленность «Я» на практическое включение в различные сферы деятельности. При этом для эмоциональной жизни подростка характерны беспокойство, тревога, раздражительность, агрессивность, метания, противоречивость чувств, абстрактность бунта, меланхолия, снижение работоспособности [84, с. 53].

«Чувство взрослости» является новообразованием самосознания – стержневой особенностью личности, её структурным центром, поскольку выражает новую жизненную позицию подростка по отношению к себе, к другим людям и к миру. Оно определяет особое направление и содержание

его активности, систему его новых стремлений, переживаний и эмоциональных реакций [8, с. 89].

В аспекте нашей темы проанализируем особенности личности подростков, склонных к суициду. Как правило, это старшие подростки в возрасте 15–16 лет [34, с. 1–15].

В одной из последних российских работ о суицидальных мыслях и суициде подростков [94, с. 20–32] ключевым фактором развития суицидальных мыслей и поведения видится стресс, негативные жизненные события. Анализ данных, полученных исследователями, позволяет также выделить особенности суицидальных личностей подростков.

В.А. Розанов с коллегами провели оценку психического здоровья подростков (N=589) по стандартам международного проекта SEYLE с целью оценки взаимосвязи переживаемого стресса и суицидальных тенденций у подростков. Обнаружено, что каждый третий подросток испытывает существенную стрессовую нагрузку, которая составляет 5 и более негативных жизненных событий (НЖС) за полгода. Для подростков приоритетными событиями явились: проблемы в школе, семейные проблемы и межличностные ситуации (конфликты, расставания). Подростки переживают стрессовые ситуации, возможно даже более остро, чем взрослые и, тем более, пожилые люди, что связано с особенностями их эмоциональной и когнитивной сферы [95, с. 8–24]. Стресс в подростковом возрасте может быть связан с межличностными проблемами, школьными ситуациями, различными формами насилия и третирования, распространенными в детской и подростковой среде, проблемами со здоровьем, потерями и провалами. Кроме этого, подростки порой тяжело переживают стрессовые ситуации своих родителей и семьи в целом: вынужденные переезды, финансовые проблемы, проблемы с работой и болезни старших. Все эти ситуации в той или иной степени связаны с суицидальными мыслями, попытками и самоубийствами среди подростков [129, с. 195–203]. Имеет значение время, когда произошло событие, так, НЖС последних 3 месяцев являются наиболее

сильными предикторами суицидальных попыток у молодых людей [138, с. 23]. Большую роль в подростковом стрессе играют межличностные отношения, причем медиатором между межличностным стрессом и суицидальными мыслями являются внутренние ощущения подростков, например, чувство покинутости, одиночества и «обузы для окружающих» [149, с. 143–149], однако существенный вклад вносит и школьная среда [140, с. 198–203].

Оценка выраженности стресса осуществляется с использованием так называемых декларативных опросников, предлагающих респонденту отметить, какие из перечисленных НЖС с ним случились за последнее время [142, с. 213–218]. Такого качества опросники ограничивают респондентов в выражении своих субъективных состояний. В настоящее время считается, что наиболее адекватным измерителем субъективно ощущаемого стресса является опросник Perceived Stress Scale (PSS) [144, с. 23], где «конструкт психологического стресса приобрел более ясные очертания» [97, с. 33–40]. Авторы предполагают зависимость суицидальных тенденций не только от количественных, но и от качественных показателей стресса, то есть от характера события, а также от соотношения взаимодействия НЖС и психологического стресса [там же, с. 33–40]. Предложен перечень типичных НЖС:

- болезнь члена семьи;
- появление нового члена семьи;
- мать / отец начинает или перестает работать;
- проблемы с родителями;
- запугивание или преследования;
- смерть домашнего животного;
- безработица родителей;
- увеличение нагрузки в школе;
- изменение финансового положения родителей;
- кража личного имущества;

- оценки хуже ожиданий;
- серьезный конфликт с учителем;
- переход в другую школу;
- сексуальные проблемы;
- замужество сестры / женитьба брата, с которой(-ым) вы эмоционально близки;
- член семьи злоупотребляет алкоголем или наркотиками;
- привод в милицию;
- серьезная ссора с близким другом;
- незначительное правовое нарушение;
- важное интервью, экзамен;
- неудачно сдан экзамен;
- серьезная травма или заболевание;
- расставание с парнем / девушкой;
- развод родителей;
- смерть близкого друга;
- смерть близкого члена семьи;
- беременность.

Установлено, что приоритетность НЖС не отражает их влияния на суицидальность. С суицидальными мыслями ассоциированы порой довольно редкие события, в основном связанные с семьей, взаимоотношениями с родителями и сверстниками, болезнями и смертью близкого человека [97, с. 33–40].

Около половины подростков ощущают стресс с различной частотой, от нескольких раз в году до нескольких раз в неделю. При этом между накоплением стрессовых событий и ощущением стресса была выявлена прямая корреляция, однако взаимоотношения между этими характеристиками оказались сложнее. По этим критериям подростки попали в 4 близкие по численности группы, из которых особого внимания требует

группа, у которой ярко выражен субъективно переживаемый стресс на фоне незначительной частоты НЖС, то есть отсутствия объективных причин для этого. Среди членов этой группы характер суицидальной идеации был аналогичен таковому в группе подростков с высоким уровнем субъективного и объективного стресса. Таким образом, психологический субъективно переживаемый стресс ассоциирован с суицидальностью в такой же степени, как и объективный [97, с. 33–40].

В связи с выделенными особенностями подросткового возраста, а также особенностями переживания негативных событий старшими подростками, педагогика и превентивная психотерапия старшего подросткового возраста становятся чрезвычайно важны, требуют высочайшей квалификации специалистов, работающих со старшими подростками.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Анализ подходов к исследованию феномена суицида позволяет нам сделать следующие выводы.

Суицидальной активностью можно считать любую внешнюю или внутреннюю активность, направляемую стремлением лишить себя жизни. Таким образом, суицидальное поведение – во всей его протяженности – реализуется одновременно во внутреннем (антивитальные переживания, суицидальные мысли, замыслы и намерения) и внешнем планах (подготовка в суициду, суицидальные действия).

Одной из основных проблем суицидологии является определение границ суицидального поведения. Поддерживаем точку зрения, утверждающую нижнюю временную и содержательную границу возникновением суицидальных идеаций (А.П. Новикова, В.А. Розанов и колл., некоторые другие исследователи).

В истории суицидологии выделим два основных периода. Первый период определен решением проблемы суицида отдельными науками

(социологии, философии, а также психологии личности и психотерапии), соответственно, с дескриптивным подходом к суицидальному поведению, в рамках которого созданы первые его типологии и концепции (Э. Дюркгейм, З. Фрейд, К. Меннингер, А. Адлер, К.Г. Юнг, Дж. Хиллмен, К. Хорни, Н. Фарбероу, В. Франкл, А.Г. Амбрумова, Ю.Р. Вагин и др.). Второй период – период междисциплинарных исследований суицидального поведения и сознания, в том числе с использованием методов математической статистики в научных целях.

В последние годы одной из активно разрабатываемых и продуктивных в суицидологии концепций является концепция стресс-диатеза (уязвимости к стрессу). Проблемы, рассматриваемые в рамках данной концепции, следующие: как влияют на суицидальную идеацию и поведение негативные жизненные события (НЖС) – отдаленные и непосредственные (триггерные); связь между НЖС и суицидальными тенденциями в различных возрастных группах, объективный и субъективный уровни стресса в генезисе суицидальных идеаций и поведения. Так, с суицидальным поведением коррелируют переживание острого горя, разрывы отношений, межличностные конфликты (особенно внутрисемейные), финансовые и иные потери, проблемы с законом и жизненные «провалы и катастрофы»; физическое и сексуальное насилие, конфликты в семье и разрывы отношений коррелируют с частотой и тяжестью суицидальных попыток у молодежи; одиночество, тяжелые заболевания, изменения привычного уклада жизни и финансовые проблемы являются факторами повышенного риска самоубийств в основном у пожилых людей.

В настоящее время и в России усиливается междисциплинарность конкретных психологических исследований суицидальных личностей. На подростковой выборке установлено влияние и объективно фиксируемых негативных жизненных событий, и субъективное переживание уровня стресса [97, с. 33–40].

Вслед за А.Г. Амбрумовой, Ю.Р. Вагиным считаем чрезвычайно важным в диагностике и психотерапии суицидального поведения учитывать как фактор суицидальных мотивов, так и витальных, противосуицидальных.

Проблема методологии и методического инструментария исследований суицида, личности суицидального типа, развертки суицидального поведения и в настоящее время стоит весьма остро. Массовые скрининговые технологии (опросники Perceived Stress Scale (PSS), Опросник суицидального риска – ОСР (модификация Т.Н. Разуваевой)) учитывают некоторое множество факторов развития суицидальных представлений и суицидального поведения, однако в силу заданности реакций респондентов на языковые формулы наука получает в той или иной степени искаженных данные о качественных характеристиках их сознания.

Актуальнейшим феноменом с точки зрения возможности ранней диагностики суицидальных идеаций и поведения является феномен речевого поведения суицидента. Ранние исследования суицидальных текстов характеризуются дескриптивным подходом. Впоследствии использовались классификационный анализ и контент-анализ. В некоторых исследованиях использован теоретико-концептуальный анализ. Актуальным является выявление особенностей многомерной психической реальности суицидентов на основе их собственных речезыковых продуктов – как с помощью ретроспективного анализа (А.Г. Амбрумова, А.Ф. Кони, А.А. Леенарс, Л.И. Постовалова, Э. Шнейдман), так и с помощью терапевтических бесед с суицидентами, в связи с развитием коммуникативных технологий в том числе в дистанционном режиме – в интернет-переписке. Это может дать принципиально новые возможности построения типологии суицидентов – в научных целях, в практическом смысле – выявить конфигурации факторов, значимых для повышения уровня профессиональных навыков психологов и психотерапевтов и эффективности психотерапии суицида.

Актуальными становятся кросс-культурные исследования суицидальных текстов. На европейской и североамериканской страновых

популяциях стало возможным говорить об общности суицидального сознания представителей разных национальностей (культур), с некоторыми особенностями российской и венгерской выборок (Леенарс и др.). В качестве гипотезы для дальнейших кросс-культурных исследований особенностей суицидального сознания предполагаем существенные различия у суицидентов стран Европы, Америки, а с другой стороны, стран Азии, в том числе с учетом изменений в традиционалистских культурах стран Востока.

В динамике исследований суицидального поведения в XIX–XX вв. все чаще речь идет о специфике сознания суицидентов – «суицидального сознания суицидентов» (термин А. Леенарса с коллегами) как системы социальных представлений. Определяющим в этом смысле считаем системный подход, который для нас означает следующее: в сознании суицидента возникает некое семантическое изменение, которое задает всей системе представлений – целостной системе социального сознания – новое состояние.

Для нашей работы ключевыми являются термины «социальное сознание», «семантическая структура социального сознания» потенциального или реального суицидента. Вслед за К.А. Абульхановой тем самым подчеркиваем социальность человека как его базовую характеристику. Опираемся также на «сильный антропный принцип»: содержание сознания человека является производным от социальной значимости объектов реальности, в том числе продуцируемых человеком (И.Г. Маланчук).

Анализ социальных представлений, а системно-социального сознания, актуализирует дискурсивный подход, расширяющий концептуальные основы теории социальных представлений: «...образа событий или личностей просто не существует независимо от человека, создающего этот образ» [14, с. 230]; «...Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределена контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и людьми» [11, с. 361–362].

Теория социальных представлений строится и продолжает развиваться скорее в аспекте изучения коллективных представлений [там же, с. 357–378]. Для нашего исследования значимой, однако, при этом является и категория индивидуальных социальных представлений. Следует понимать, что социальные представления вырабатываются человеком в его индивидуальном социальном и психическом опыте. Фокус сознания человека, в том числе суицидальной личности, «обрабатывает» проблему выработки собственной социальной позиции и социального поведения.

При анализе процесса построения социальных когниций нужно задать и интерактивный ракурс – социальное поведение людей в его интерактивном содержании, то есть поведении обмена социальными сигналами разного качества [1, с. 77].

При переходе от анализа языка к дискурсу роль теории социальных представлений возрастает, поскольку она дает «...возможность лучше понять соотношение психического и социального в акте речи»; «...теория социальных представлений помогает решить проблему языковых репрезентаций (являющих собой частный случай социальных представлений)» [64, с. 72–73].

Предполагаем, что особенности дискурсивных практик суицидентов могут быть определяющими в разработке и специфических социальных представлений, и в развитии суицидального поведения. Требуется ввести термин «аутодискурсивная практика», который, по-видимому, в большей степени характеризует социально-коммуникативное сознание суицидента, чем несуйцидента, также осуществляющего диалог внутри собственного сознания (В.С. Библер). Снижение жизненной ресурсности личности, как мы полагаем, может быть связано с особенностями аутокоммуникации суицидальной личности: вероятно, с определенного момента в развитии суицидального сознания формирование жесткой семантической границы между миром «я» и миром других ведет к уплощению сознания: суицидальная личность вынуждена подтверждать себя для себя же,

становиться все более значимой для самой себя, семантический центр все более сдвигается внутрь самой суицидальной личности в континууме, который предварительно можно было бы обозначить как «я в мире – мир внутри меня», с ее трансформированным сознанием. Коммуникативно-смысловые самоограничения являются, как можно полагать, способом защиты единственно принимаемой, понятной и устойчивой реальности – реальности, которую моделирует сознание суицидента.

Старший подростковый возраст как возраст становления «Я», самоутверждения, достижения самостоятельности, характеризуется разнонаправленными, конфликтными тенденциями функционирования психики (Л.И. Божович, Д.И. Фельдштейн, Б.И. Хасан, др.), конфликтующими структурами сознания, по отношению к которым, как показывают наши наблюдения, подростку-суициденту трудно определиться.

У подростков фиксируются реакции компенсации в случае фрустрации глубинных психологических и социальных потребностей, что может выражаться, в частности, в развитии суицидального поведения и других форм отклоняющегося и аддиктивного поведения.

Статистика попыток суицида у подростков, имеющая пик в старшем подростковом возрасте, делает крайне актуальными исследования, психопрофилактику, психотерапию суицидального сознания и поведения этой возрастной группы, а также развитие родительской компетентности и профессиональных навыков у лиц, работающих со старшими подростками.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ СУИЦИДЕНТОВ

2.1. Организация и методы исследования

На первом этапе мы решали задачу определения значимых для нашей темы исследовательских подходов и выбора методов исследования на основе анализа научных подходов, исследований, выполненных в их русле, и оценки их результатов в научной литературе.

На втором этапе на основе анализа данных суицидальных текстов был проведен кластерный анализ социальных представлений, а также некоторых других характеристик личности суицидентов, диагностированных нами по текстам. Это позволило создать семантическую типологию суицидентов, дифференцирующую типы социального сознания суицидентов.

На третьем этапе в целях развития психотерапевтической практики суицидального поведения и психокоррекции социального сознания суицидентов – старших подростков мы предприняли анализ их суицидальных текстов. В разработанной системе категорий были проанализированы индивидуальные случаи, определены оптимальные способы воздействия психотерапевта в терапевтическом дискурсе.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: теоретический анализ и синтез; метод экспертных оценок; контент-анализ, концептуальный анализ (анализ концептов/понятий), анализ интенционального содержания суицидальных текстов (интент-анализ); метод математико-статистической обработки данных, а именно кластерный анализ; сравнительный анализ.

Охарактеризуем основные примененные в исследовании методы.

Метод контент-анализа сегодня широко применяется в социологии, психологии, других гуманитарных и социальных науках. Слово «контент» означает содержимое (или содержание) документа. Таким образом, данный метод включает сбор количественных данных об изучаемом явлении или

процессе, содержащихся в документах. Под документом при этом понимается все написанное или произнесенное, все, что стало коммуникацией. Контент-анализу подвергаются книги, газетные или журнальные статьи, объявления, телевизионные выступления, кино- и видеозаписи, фотографии, лозунги, этикетки, рисунки, другие произведения искусства, официальные документы. Контент-анализ позволяет обнаружить в документе то, что ускользает от поверхностного взгляда при его традиционном изучении, но что имеет важный социальный смысл. Он нацелен на выработку количественного описания смыслового и символического содержания документа, на фиксацию его объективных признаков и подсчет последних. Модификации исходной технологии контент-анализа [67, с. 24–45], в которых возникает необходимость в силу специфики контента разного рода текстов, отражают степень субъективности и избирательности исследователей в интерпретации текстов и отборе категорий анализа, традиционность либо расширение категориального аппарата науки, в рамках которой используется контент-анализ [75, с. 234].

Концептуальный анализ

Термин «концепт» впервые получил широкое распространение в когнитивной лингвистике середины XX века, занимающейся изучением того, как язык отражает мышление и влияет на него. Основным материалом когнитивных исследований являются языковые единицы разных уровней.

Концепт, по С.А. Аскольдову-Алексееву, «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода», он выражает точку зрения субъекта, направленную на нечто реальное, т.е. его содержание одновременно и субъективно, и объективно [5, с. 269]. Такое «мысленное образование» в индивидуальном сознании может не совпадать со множеством «мысленных образований», возникших в сознании других людей, но все они включают некий совпадающий набор признаков. С 1980-х гг. термин утвердился в когнитивной лингвистике, затем в когнитивных науках.

Существует, по меньшей мере, три принципиальных подхода к тому, что понимать под концептом. Первый подход – вербальный. Под концептами понимаются ментальные соответствия важнейших понятий и смыслов в культуре, выраженных словом или устойчивым словосочетанием. Вторым подходом – так называемый «подход примитивов» [18, с. 411], когда анализ лексических систем языков приводит к выделению ограниченного числа семантических примитивов («некто», «нечто», «место» и т.п.), через различные комбинации которых можно описать весь словарный состав языка. Третий подход – комплексный, когда часть концептуальной информации привязывается к языковым данным (словам, словосочетаниям, структуре предложения), а другая часть признается выраженной принципиально иными способами («ментальными репрезентациями») – образами-представлениями, схемами и т.п. В любом случае, какой бы принципиальный подход ни избирался, концепт мыслится как главная, «атомная» (устойчивая и не делимая без утери смысловой значимости) оперативная и содержательная единица памяти, «концептуальной системы» и «картины мира» человека. Концепт несет в себе те базовые смыслы, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта, знания, деятельности и познания мира. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек ... входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [104, с. 43]. Таким образом, в самом общем виде концепт есть базовое ментальное образование, отражающее смысловую интерпретацию мира человеком.

В той или иной мере каждый из исследователей отмечает, что концепт может быть как индивидуальным, так и коллективным представлением. Р.И. Павилёнис говорит о «социальной ориентации индивидуальных концептуальных систем в сторону социально значимой «картины мира» [90, с. 263]. «Одному и тому же имени (слову) в психике разных людей могут

соответствовать разные ментальные образования. Тем самым не только разные языки «концептуализируют» ... действительность по-разному, но и за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты» [113, с. 3]. Д.С. Лихачёв образно называет концепт «своего рода «алгебраическим» выражением значения», «которым мы (совокупность носителей языка) оперируем в своей письменной и устной речи» [63, с. 4].

Традиционно концепты делят на элементарные и составные. Первые, часто называемые примитивами, представляют собой наименьшие оперативные единицы мыслительных процессов человека (А. Вежбицкая выделяет некий набор элементарных универсальных смыслов, с помощью которого можно выразить все разнообразие идей человека [20, с. 23–45]. Элементарные единицы формируют более сложные структуры, такие как скрипты (фреймы, сценарии), являющиеся представлением об определенной ситуации, способах поведения в ней (об этом [43, с. 467–499]).

Концепт – неоднородное образование: многие исследователи отмечают его «слоистую» структуру. Ядро концепта, как правило, составляют или качества соответствующего объекта окружающего мира, воспринимаемые органами чувств, или признаки, известные всем представителям данной культуры. На это ядро наслаиваются представления, обусловленные принадлежностью человека к той или иной культуре, той социальной среде, в которой он вращается, а также связанные с его индивидуальным опытом [104, с. 41–42].

В соответствии с условным делением концептов на универсальные (архетипические), этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные выделяют четыре группы исследований:

- 1) исследование индивидуальных концептов, чаще всего на материале художественных произведений;

- 2) исследование концептов определенного типа текстов, группы текстов, объединенных одним идейным содержанием, временем создания и т.д.;

3) исследование этноспецифических концептов (напр., исследование таких ключевых понятий русской культуры, как «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Слово», «Любовь», «Вера» и др. [104, с. 200];

4) исследование универсальных (архетипических) концептов (таких, как «дух», «душа», «ум») в основном в сопоставительном аспекте на материале двух-трех языков или путем сопоставления с комплексом представлений, связанных с содержанием данного концепта в науке.

Все выше указанные исследования проводятся на различном языковом материале, что позволяет выделить соответствующие уровни реализации концепта: *лексемный уровень*, на котором выявляются лексемы / сочетания лексем, способные передавать в языке идейное содержание концепта, и *текстовый уровень* реализации. Как структурно-семантическое единство текст позволяет более подробно изучить соотношение между уже известными репрезентантами и обнаружить новые средства экспликации концепта, а значит, наиболее полно воссоздать фрагмент языковой картины мира, связанный с данным концептом.

«Владение языком предполагает концептуализацию мира. При этом конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь» [44, с. 544]. Принято разделять концептуальную и языковую картину мира, причем первая по своему содержанию богаче второй, так как в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные. В формировании картины мира участвуют все стороны психической деятельности человека – ощущения, восприятие, представления, а также высшие формы – мышление и самосознание человека.

Психологические исследования образа мира пытаются объяснить механизмы, сопровождающие когнитивную деятельность человека. По мнению Э.Д. Сулейменовой, картина мира создается благодаря познающей деятельности человека и отражающей способности его мышления,

важнейшим свойством картины мира она считает целостность, а элементом – смысл, характеризующийся инвариантностью, актуальностью, субъективностью, неполной экспликацией, недоступностью полному восприятию, континуальностью, динамичностью [99, с. 159]. Наряду с целостностью, автор отмечает такие характеристики картины мира, как космологическая ориентированность (глобальность образа мира), внутренняя безусловная достоверность для субъектов, стабильность и динамичность, наглядность, конкретность облика элементов [там же, с. 162].

Важной для нашего исследования также представляется мысль, высказанная Б.А. Серебренниковым о том, что «индивидуальную картину мира можно выявить по отношению человека к окружающей действительности, обнаруживающемуся в его настроениях, чувствах, действиях. Многие скрытые черты картины мира у человека проступают в психопатологии или раскрываются в экстремальных состояниях человеческой психики» [102, с. 24].

В применении к нашей работе все выше сказанное выглядит следующим образом. По мнению суицидологов, предсмертные записки, являющиеся предметом нашего исследования, пишутся человеком, находящимся в особом психическом состоянии. Э. Шнейдман, например, выделяет 10 общих черт суицида, касающихся мыслей, чувств и форм поведения, наблюдаемых почти в каждом случае самоубийства (об этом в пункте 1.2. настоящей главы). К ним относятся, в частности, невыносимая психическая боль, от которой человек пытается убежать, сужение сознания. Таким образом, картину мира каждого человека, проявляющего суицидальное поведение, можно условно считать вариантами некой общей картины мира, свойственной всем суицидентам. Некоторые исследователи отмечают, что в прощальных записках самоубийцы часто используют готовые мыслительные схемы и блоки, рассуждения, которые человек применяет к своей конкретной ситуации, темы, словесные выражения и даже стиль аргументации повторяется. По нашему мнению, здесь можно говорить

о стереотипности поведения, мышления суицидентов. Таким образом, суицидальная личность, имея свою модель поведения, характеризуется определёнными критериями, по которым её можно определить и распознать.

Понятие суицидальной личности отражает особый тип (особые типы) языковой личности (термин В.В. Виноградова). Ю.Н. Караулов ввел понятие языковой личности в широкий научный обиход и предложил ее уровневую модель, которая представляет собой некий обобщенный тип личности, тогда как множество конкретных личностей могут быть рассмотрены как ее вариации [34, с. 22]. Языковая личность имеет три уровня: нулевой – семантический, отражающий степень владения обыденным языком; первый – лингво-когнитивный, который предполагает отражение в описании языковой модели мира личности, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, ее тезаурусе; второй уровень включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих ее развитием, поведением, управляющих ее текстопроизводством, и в конечном итоге определяющих иерархию смыслов и ценностей в ее языковой модели мира. «Инвариантом здесь надо считать представления о смысле бытия, цели жизни человечества и человека как вида гомо сапиенс, тогда как переменную часть составят индивидуальные мотивы и цели» [там же, с. 38]. На этом уровне языковая личность как объект исследования сливается с личностью в самом общем, глобальном социально-психологическом смысле, что закономерно, поскольку «по определению языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [там же, с. 40]. Таким образом, полное описание языковой личности в целях ее анализа предполагает:

- а) характеристику семантико-структурного уровня ее организации;
- б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов);

в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов [34, с. 43].

В исследовании суицидальной личности, по нашему мнению, оптимальным было бы применение методов изучения документов или повествований суицидентов, а также эффективного для исследования особенностей языковой личности ассоциативного эксперимента. При этом отметим, что клинические / терапевтические беседы вполне содержат в себе возможность выражения ассоциативных смыслов суицидентов на речезыковые стимулы, предлагаемые психологом либо психотерапевтом.

В задачи нашего исследования входит реконструкция картины мира, свойственной суицидентам, в которой находят отражение основные концепты языковой картины мира, интерпретируемые через психологические особенности ее носителей.

По всей видимости, ключ к основному вопросу суицидологии – о причинах суицидального поведения – кроется в изучении высшего, мотивационного, уровня устройства языковой личности, на котором происходит определение установок, мотивов и ценностей, но к нему невозможно перейти без изучения лингво-когнитивного уровня. Ключом для перехода с нижележащего уровня на более высокий, по мнению Ю.Н. Караулова, должна стать дополнительная экстралингвистическая информация. Для перехода к мотивационно-прагматическому уровню нужны сведения «о социальном функционировании языковой личности, о ее социальных ролях и референтных группах, т.е. об «актуальной социализации», создающей ситуативные доминанты и вносящей «искажения» в относительно устойчивую картину мира. ... Второй информационной составляющей при переходе к ее «прагматикону», наряду с социальной, должна быть психологическая, а именно, эмоционально-аффективная, характеризующая ее интенциональности в коммуникативно-деятельностной сфере» [34, с. 46].

Таким образом, для описания языковой личности суицидента нам необходимо помимо концептов, характеризующих представления о мире как когнитивные структуры, ввести эмоциональный и мотивационный компоненты.

С помощью контент-анализа мы выделили ряд категорий, представляющих собой смысловые единицы, которые значимы, по нашему мнению, именно в суицидальных текстах – в определенной их конфигурации:

- отношение к смерти (сюда входит то, как это понятие представлено в сознании суицидента, и смысл, который приобретает смерть в каждом отдельном случае, если удастся его выделить);

- представление о жизни (к нему в анализируемых текстах можно отнести то, как суицидент воспринимает настоящее и будущее, с том числе будущее, как оно представляется сейчас, «в этом мире», и то, каким оно видится после смерти);

- обвинение (кто, по словам суицидента, виноват в его смерти);

- Я-концепция (представление о себе в настоящем, социальное состояние, в котором находится суицидент, и так называемое Я-идеальное – то, каким суицидент хочет, чтобы его воспринимали, как о нем думали и т.п.);

- вербализация актуальных эмоций;

- отношение к людям (близким и другим);

- причины (на которые конкретно указывают суициденты или понятные из контекста).

Кроме этого, выделены категории, свидетельствующие о наличии либо отсутствии религиозных конструктов, отношение к самоубийству, а также формы коммуникативного поведения: наличие просьб и распоряжений.

В дополнение к этому нами был проведен **анализ потребностей – анализ интенционального содержания (интент-анализ)** суицидальных текстов. Основой для включения потребностей в спектр аналитических процедур послужили положения И.Г. Маланчук об интенциональных

комплексах, лежащих в основе речевой коммуникации [65, с. 214], и – в аспекте суицидальных текстов – положение Э. Шнейдмана о том, что фрустрированные психологические потребности являются источником, питающим душевную боль, которая, в свою очередь, приводит к мыслям о самоубийстве [120, 2001]. «Мы проживаем свою жизнь в погоне за удовлетворением психологических потребностей. Когда человек совершает самоубийство, он тем самым старается прекратить душевную боль, которая порождается фрустрацией психологических потребностей, жизненно важных для этого человека» [там же, с. 216].

Э. Шнейдман приводит список из 20 психологических потребностей, основанный на потребностях, выделяемых Г. Мюрреем, который в своей книге «Исследования личности» (1938) определяет их как «действующую в мозге силу, которая организует восприятие и мышление таким образом, чтобы умиротворить или удовлетворить организм» [там же, с. 218]. К ним относятся следующие.

1. *Самоуничтожение.* Потребность пассивно подчиняться воздействию посторонней внешней силы; безответно принимать проявления несправедливости, оскорбления, обвинения, безосновательную критику и наказание; поддаваться, покоряться; сдаваться на милость победителя лице судьбы (рока); признавать собственную неполноценность, любые, в том числе мнимые, ошибки, проступки или поражения; чрезмерно признавать и искупать свою вину; обвинять, уничтожать и истязать свое Я; стремиться и получать удовольствие от боли, наказания, болезни и череды неудач.

2. *Достижение.* Потребность добиваться чего-то непростого; овладевать, манипулировать или организовывать физические объекты, людей и идеи; делать это как можно скорее, проявляя максимальную независимость; преодолевать препятствия, добиваясь высоких показателей; превосходить других, побеждать соперников; повышать самооценку успехами в проявлении определенных талантов.

3. *Аффилиация*. Потребность в близости и получении удовольствия от взаимодействия с близким человеком (при наличии взаимной симпатии); стремление доставлять удовольствие и завоевывать привязанность значимого человека; устанавливать дружеские отношения и сохранять верность в дружбе.

4. *Агрессия*. Потребность преодолевать сопротивление; бороться, нападать, наносить удар; потребность силой отвечать на силу, причинять боль или ранить другого; унижать, осуждать, осмеивать, клеветать; выразить гнев, ярость и иные воинственные формы поведения.

5. *Автономия*. Потребность освободиться от пут, ограничений, вырваться из сковывающих социальных рамок; сопротивляться принуждению и стеснению; избегать или сворачивать деятельность, предписанную вышестоящими инстанциями; быть независимым и свободным; бросать вызов существующим обычаям и условностям.

6. *Противодействие*. Потребность возмещать понесенные потери с помощью непрекращающейся борьбы, повторных усилий; энергично преодолевать собственную слабость, страх; отвечать на бесчестье действием; намеренно искать препятствий и трудностей, чтобы их преодолевать; поддерживать на высоком уровне уважение к себе и гордость.

7. *Самооправдание*. Потребность отстаивать себя при нападениях, критике или обвинениях; потребность скрывать или оправдывать свои поступки, неудачи и унижения; защищать и отстаивать свое Я.

8. *Повиновение*. Потребность восхищаться и всеми силами поддерживать начальника или лидера; восхвалять, почитать или превозносить другого человека; охотно поддаваться влиянию авторитетной фигуры; подражать примеру; следовать обычаям и традициям.

9. *Доминирование*. Потребность контролировать свое окружение; влиять или направлять поведение других с помощью внушения, соблазнения, убеждения или приказа; переубеждать, удерживать или запрещать.

10. *Демонстративность*. Потребность производить впечатление; быть увиденным и услышанным; возбуждать интерес, удивлять, привлекать к себе, забавлять, восхищать, поражать, развлекать или соблазнять других.

11. *Избегание опасности*. Потребность избегать боли, физических травм, болезней и смерти; скрываться от опасной ситуации; принимать разумные меры предосторожности.

12. *Неприкосновенность*. Потребность защищать свое Я; оставаться отдельным от других; противостоять попыткам вторжения или захвата личного психологического пространства; сохранять дистанцию или отдельность; быть изолированным, недоступным критике.

13. *Забота*. Потребность сочувствовать и удовлетворять потребности другого человека, в особенности слабого (ребенка), инвалида, уставшего, неопытного, нерешительного, потерпевшего поражение, одинокого, униженного, отвергнутого, заболевшего, растерявшегося, беспомощного; обеспечивать другого едой, помощью, утешением, защитой, воспитанием, лечением; заботиться о ком-то.

14. *Порядок*. Потребность поддерживать порядок в вещах и мыслях; упорядочивать, организовывать, уравнивать, добиваться аккуратности и точности в вещах внешней реальности и в идеях внутреннего мира.

15. *Игра*. Потребность совершать действия для получения удовольствия безо всяких дальнейших целей; смеяться и шутить; расслабляться после психоэмоционального напряжения; участвовать в видах деятельности, доставляющих удовольствие, развлечения ради них самих.

16. *Отвержение*. Потребность активно отделяться от негативно воспринимаемых людей; исключать, бросать, изгонять или проявлять безразличие к этим людям; осадить или оттолкнуть другого.

17. *Чувственность*. Потребность испытывать чувственные переживания, наслаждение; придавать важное значение телесному комфорту, вкусовым, осязательным и иным приносящим удовольствие ощущениям;

получать наслаждение от пищи и вина, изысканных шелковых простыней, дорогой одежды.

18. *Избегание стыда*. Потребность сторониться чувств унижения и стыда; избегать обстоятельств, могущих привести к столкновению с презрением, насмешками или безразличием других; воздерживаться от активных действий из-за страха перед поражением.

19. *Получение поддержки*. Потребность получать поддержку, помощь и любовь; стремление, чтобы другой человек, сочувствуя, удовлетворял значимые потребности; получать уход, защиту, руководство, снисхождение, прощение, утешение, заботу.

20. *Понимание*. Потребность задавать и отвечать на вопросы; размышлять, определять, сопоставлять и обобщать; желание знать ответы на вопросы общего характера; теоретизировать; философствовать; проявлять любознательность, пытливость ума [98, с. 313–315].

«Вся наша деятельность дома и в школе, на улице и на работе, днем и вечером, а также в снах и фантазиях является не чем иным, как проявлением этих потребностей, которые в той или иной степени мотивируют нашу жизнь. Самоубийство в этом смысле всегда является частью более широкого полотна – стиля (pattern) жизни. У каждого из нас существует формируемый психологическими потребностями характер. В самом деле, можно сказать, что значимость, которую человек придает определенной потребности, может послужить окошком, через которое можно заглянуть в его личность и посмотреть, чем он живет» [там же, с. 317].

Э. Шнейдман считает, что среди потребностей можно выделить два типа:

1) потребности, характеризующие функционирование человека в повседневной жизни; это так называемые модальные потребности, с которыми человек живет;

2) потребности, которые становятся актуальными для человека в ситуациях давления, страдания, внутреннего напряжения и душевной боли.

Их следует назвать витальными. Эти потребности и являются жизненно важными, и человек готов за них умереть. Когда появляются мысли о самоубийстве, внутренний фокус сознания смещается с обычных (модальных) к фрустрированным или неудовлетворенным потребностям, возникающим при наличии угрозы, неудачи, давления, боли и других неотложных обстоятельств, именно к тем психологическим потребностям, которые конкретный человек считает важнейшими для продолжения жизни [94, с. 319].

«В большинстве суицидов задействованы комбинации различных фрустрированных потребностей. В силу этого на фундаментальном уровне человек, проявляющий суицидальные тенденции, полагает, что его самоубийство преследует определенную цель, направленную на преодоление фрустрации стремлений. Встречается множество бессмысленных смертей, но никогда не бывает немотивированных самоубийств, любой суицидальный поступок отражает ту или иную неудовлетворенную психологическую потребность» [там же, с. 300].

Разработанная нами методика, включающая фиксацию основных социальных концептов и фрустрированные потребности, позволила нам комплексно проанализировать суицидальные тексты (N=70), в которых методом экспертной оценки было установлено присутствие или отсутствие вышеназванных смысловых элементов.

Метод экспертных оценок

Применен нами для реализации процедуры контент-анализа. Экспертная группа состояла из трех человек – специалиста, имеющего высшее филологическое и психологическое образование и ученую степень кандидата психологических наук, специалиста, имеющего высшее филологическое образование, и специалиста, имеющего высшее медицинское (врач-психиатр) и психологическое образование. При анализе суицидальных текстов в базу данных включались семантические единицы, имеющиеся в текстах с точки зрения каждого из трех экспертов.

Кластерный анализ

Первое применение кластерный анализ нашел в социологии. Название кластерный анализ происходит от английского слова cluster – гроздь, скопление. Впервые в 1939 г. Р. Трионом был определен предмет кластерного анализа и сделано его описание. Впоследствии он нашел широкое применение в социальных науках, психолингвистике, характерологии, антропологии, археологии и др.

Главное назначение кластерного анализа – разбиение множества исследуемых объектов и признаков на однородные в соответствующем понимании группы или кластеры. Это означает, что решается задача классификации данных и выявления соответствующей структуры в ней. Данный метод позволяет производить разбиение объектов не по одному параметру, а по целому набору признаков. Кроме того, кластерный анализ в отличие от большинства математико-статистических методов не накладывает никаких ограничений на вид рассматриваемых объектов, и позволяет рассматривать множество исходных данных практически произвольной природы. Этим и обуславливается выбор нами данного метода анализа. Кластерный анализ предпринят нами в собственно научных целях – разработки семантической типологии суицидентов по содержанию суицидальных текстов, выборка которых составила 70 единиц.

2.2. Разработка типологии суицидентов на основе анализа категориальной структуры социального сознания

Актуальной научной проблемой суицидологии является выявление типов суицидентов. Исходим из того, что типологии, представленные тремя или четырьмя типами суицидентов, не могут являться достоверными: они характеризуют дескриптивные исследования [32, с. 35]. Более адекватными будут типологии, полученные в результате исследования многомерной психической реальности суицидентов с учетом содержания суицидальных идеаций, переживания и представлений о своих эмоциях, представлений о

времени и перспективах жизни, переживании и представлении о потребностях. Наиболее ёмкими в этом смысле являются суицидальные тексты.

Выбор человеком самоубийства связан с переосмыслением, переоценкой, то есть особой концептуализацией смерти: «Главный механизм, специфичный для суицидального поведения и запускающий акт самоубийства, – это инверсия (переворот) отношений к жизни и смерти. Жизнь утрачивает все степени положительного отношения и воспринимается только негативно, в то время как смерть меняет свой знак с отрицательного на положительный. С этого момента начинается формирование цели самоубийства и разработка плана ее реализации» [89, с. 234].

В ходе анализа предсмертных записок нам удалось сделать следующие наблюдения: в высказываниях, касающихся смерти, отношения к ней, действительно имеется положительная оценка этого явления. Смерть воспринимается как последняя надежда на разрешение конфликтной ситуации – выход из нее (как правило, единственный), освобождение, «лучшее из возможного». Это единственный способ защитить свою честь или «то, как я решил со всем разобраться». Нередки ассоциации смерти со сном: «Она уснула...навсегда»; «я собираюсь уснуть немного надольше, чем обычно. Скажем, навечно». Очевидно, что в соответствии с этим смерть – это некое состояние покоя, отдых, при котором почти полностью прекращается работа сознания. Сравнение смерти со сном имеет давнюю традицию, оно закреплено в устойчивых словосочетаниях, которые входят в инвариантную часть картины мира человека: «Уснуть мертвым (крепким) сном»; «уснуть вечным сном» (умереть); «сон – младший брат смерти» и т.п.

Но в то же время смерть довольно тесно связывается в суицидальном сознании и с концептом «движение, действие, активность»: «Я устал переживать одинаковые эмоции и испытывать одинаковые ощущения. Настало время двигаться дальше и увидеть, что же там впереди, если вообще что-то есть...». Появляется образ дороги, который тоже, по всей видимости,

связан со значением движения: «Повесился Есенин, застрелился Маяковский, ну и мне туда же, за ними дорога».

Концепт «движение» встречается в суицидальных текстах и в другом значении, приобретая негативные коннотации. В этом случае он употребляется в отношении жизни: «Все движется, вся эта сраная масса ползет вперед, тянет за собой последствия и факты и прочее говно. Когда-то это случится, я точно знаю». Движение приобретает здесь противоположную, чем в отношении смерти, окраску, равно как и бездействие, покой: «Все не так, оно – это все – не движется ни назад, ни вперед, что я ненавижу. А я ненавижу все и всех, даже смерть я ненавижу». Из последнего примера также видно, что смерть приобретает в сознании сущность, телесность. Это объект, к которому можно испытывать эмоции.

Таким образом, сознание суицидента характеризуется амбивалентностью: смерть имеет преимущественно положительную окраску, но может вызывать негативные эмоции; одновременное наличие концептов покой и движение, имеющих одинаковую эмоциональную оценку. Двойственность восприятия прослеживается и в моменте выбора, про который часто говорят самоубийцы: «Смерть – один из вариантов будущего»; «Я совершаю то, что кажется мне лучшим из возможного»; «Одним из простейших является право выбора быстрой и легкой смерти вместо тягостной и мучительной». «Право выбора» вообще является одним из самых древних и спорных вопросов в области суицида. Одновременно с этим явственно звучит мотив вынужденности ухода из жизни, неконтролируемости этого: «Видимо, такова доля поэтов»; «Иного выбора у меня не осталось»; «Мне же ничего не остается, кроме самоубийства».

Жизнь в суицидальных текстах, как правило, имеет негативную оценку, как и будущее. Настоящее характеризуется невыносимостью, недугами, страхом и тяжелыми жизненными обстоятельствами. Жизнь концептуализируется как «несправедливая», «гнусное существование, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета», «в ней больше не осталось

доброты» и т.п. Будущее видится, однако исключительно в негативных характеристиках. Зато будущее после смерти лишь у немногих вызывает страх, чаще всего выражена надежда на то, что «там будет лучше, чем здесь», «там лучший мир», будущее после смерти концептуализируется с мифологическими, религиозными коннотациями.

Сам акт самоубийства как способ прекращения жизни, выхода из ситуации в суицидальных текстах неизменно имеет негативные коннотации разного рода: «Я знаю, что самоубийство – это самое гадкое, что может совершить человек»; «Это предательство по отношению у себе, к близким людям, к миру»; «Это не способ (другим не советую)»; «Меня преследует мысль о самоубийстве»; «Я понимаю, какие страдания и стыд принесу своим близким».

Большое значение в сознании суицидента, по всей видимости, приобретает концепт «вечность»: «Я собираюсь уснуть немного надольше, чем обычно. Скажем, навечно»; «Человеческая жизнь не беспредельна, я же хожу жить вечно»; «Печаль будет длиться вечно»; «После смерти, я надеюсь, я исчезну и буду пустотой, а пустота - это Вечность! Самое расширенное состояние – это вечность!». Этот концепт имеет культурную основу – исконно он означает не просто «вечное, вечно длящееся», а также «вечно юное». Подтверждение этому можно найти и в суицидальных текстах – одним из распространенных личностных смыслов самоубийства, выявленных нами в исследовании записок, является страх перед будущей смертью, перед увяданием, угасанием, старением. В текстах присутствуют даже прямые указания на это: «Я здоров душой и телом. Ухожу из жизни, пока жестокая старость не отняла духовные и физические силы, не лишила меня радости жизни...»; «право выбора быстрой и легкой смерти вместо тягостной и мучительной». Кажется парадоксальным, что человек, который боится умереть, выбирает смерть сейчас. В этом страхе прослеживается и боязнь немощи и болезней, сопутствующих старости, и неприятие самого факта, что всему приходит конец. Таким образом, выбор самоубийства по данным

мотивам представляется неким протестом, похожим на тот, который свойственен людям в подростковом возрасте (и фиксирующийся, как показывает материал, начиная с подросткового возраста). По этой причине суициды такого рода мы определяем как протестные против существующего положения вещей.

В проанализированных нами суицидальных текстах было выявлено 7 типов отношения к смерти.

Таблица 1

Типы отношения суицидентов к смерти

1	Смерть как возможность уйти от страданий	1, 2, 3, 5, 8, 10, 11, 13, 22, 24, 30, 31, 39, 47, 48, 49, 52, 54, 55, 56, 57, 59, 60
2	Смерть как избегание стыда, бесчестия	4, 10, 25, 51
3	Смерть как протест против сложившихся жизненных обстоятельств	6, 7, 12, 17, 25, 28, 34
4	Смерть как альтруистический акт	8, 11, 13, 30, 52
5	Смерть как протест против существующего положения вещей (экзистенциальный аспект)	9, 16, 23, 27, 32, 35, 36, 37, 40, 44, 45, 50
6	Смерть как протест против социальных правил	12, 28
7	Смерть как возможность социальной манипуляции	19, 20, 54, 58

Как видно из таблицы, уход от страданий, душевной боли является одним из самых распространенных мотивов выбора смерти. На втором месте после него стоит протест против существующего положения вещей, страх перед старостью, будущей смертью.

В текстах, как правило, прослеживается несколько смыслов. Дополнительными в этом случае выступают альтруистические и аномичные мотивы, в том смысле, в котором их понимал Э. Дюркгейм. Но анализ показал, что эти мотивы не бывают самостоятельными в исследуемых нами текстах, в каждом таком тексте отчетливо виден эгоистический мотив, как, например, попытка ухода от физических или душевных страданий или протест против сложившихся обстоятельств.

Акт самоубийства направляется представлениями о смерти. По словам В.А. Тихоненко, «...истинное самоубийство предполагает жестокий

поединок жизни и смерти, в котором терпит поражение все, что удерживало человека на этом свете» [89, с. 345].

Нами был проведен кластерный анализ всех высказываний суицидентов, разделенных на смысловые категории в результате контент-анализа, и потребностей, который позволил установить дистанцию связи параметра отношения суицидентов к смерти с другими признаками. Далее приводятся дендрограммы по каждому из типов отношения к смерти и их описание (рисунок 1).

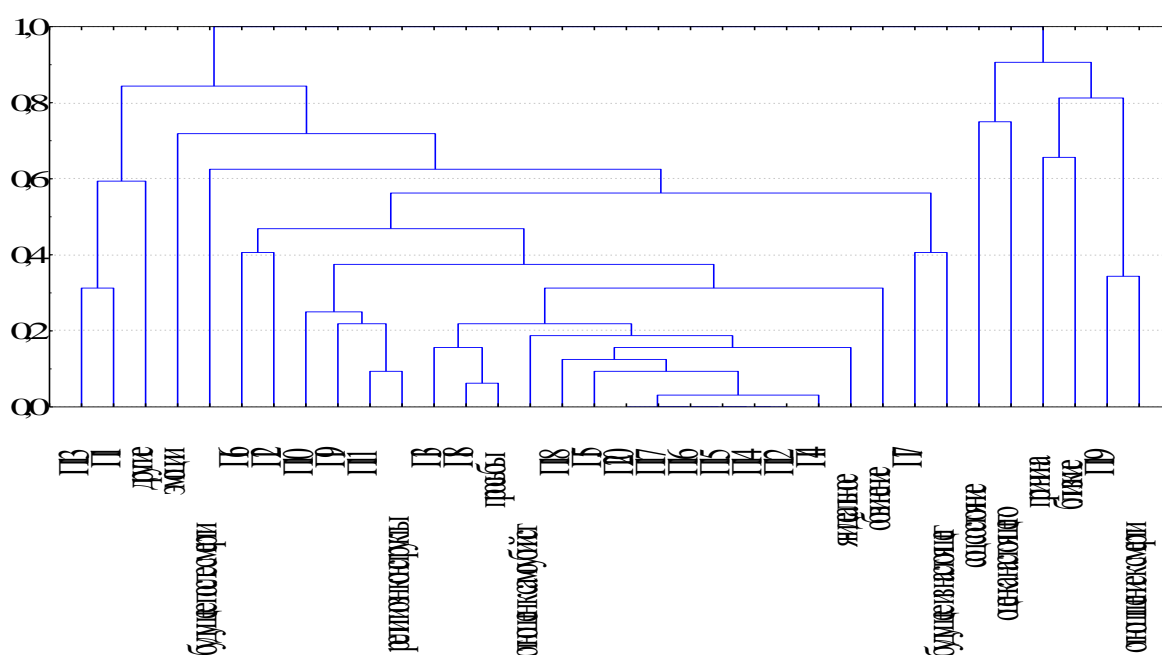

Рис. 1. Дендрограмма. Кластерный анализ данных группы 1 (представление о смерти как уходе от страданий)

Анализ данного типа отношения в смерти показал, что все признаки группируются на два семантических кластера, где социальные представления связаны с комплексами фрустрированных потребностей, а также образуют семантические связи друг с другом как самостоятельно, так и в комплексах с фрустрированными потребностями. Первый из них имеет сложную организацию. По нашему мнению, здесь обнаруживаются три ключевых момента: формирование отношения к самоубийству как способу выхода из

ситуации определяется на основе связи Я-идеального с потребностями в чувственности, агрессии, избегании стыда и автономии; представление о других в связи с фрустрированными потребностями в заботе и самоуничтожении, что создает ситуацию амбивалентности отношения к другим с точки зрения ассоциированных с этим социальным понятием фрустрированных потребностей.

Будущее (в обоих смыслах: будущее в смерти и будущее в связи с настоящим) оказывается связанным с фрустрированными потребностями в самооправдании, с одной стороны, и с другой – в достижении и в противостоянии.

Фрустрированные потребности в аффилиации и повиновении образуют группу с коммуникативным актом просьбы в составе суицидального текста, т.е. данная группа фрустрированных потребностей актуализируется в моделировании последнего коммуникативного акта.

Фрустрированные потребности в агрессии, автономии, а также в чувственности и избегании стыда составляют группу с образом «я», отношением к самоубийству как таковому, коммуникативным актом обвинения в составе суицидального текста. Религиозные представления образуют группу с потребностями в избегании опасности, доминировании, демонстративности.

Второй кластер представлений составляют отношение к смерти (как возможности уйти от страданий), концепты «близкие люди», причины суицида, оценка настоящего, социальное состояние, связанные с единственной в кластере фрустрированной потребностью в получении поддержки. При этом ядерной семантической структурой кластера является отношение к смерти в связи с фрустрированной потребностью в получении поддержки

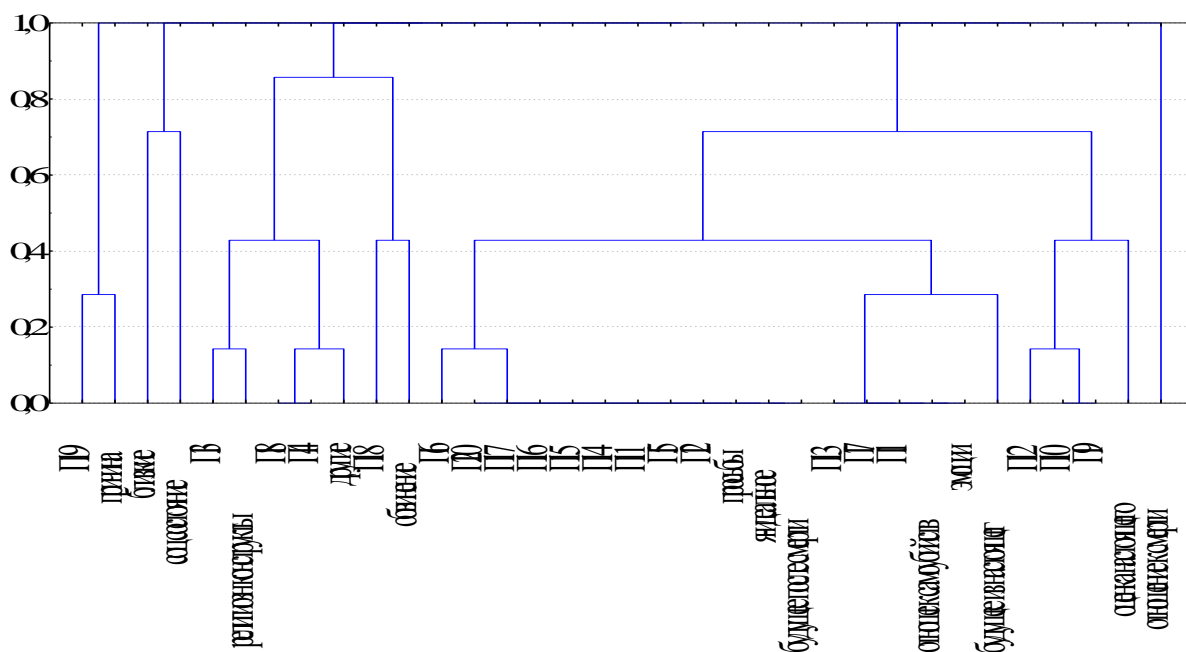

Рис. 2. Дендрограмма. Кластерный анализ данных группы 2 (представление о смерти как о возможности избегания стыда)

В этом типе отношения к смерти присутствует несколько семантических кластеров. Как видно из схемы, кластеры составляют: причина суицида и фрустрированная потребность в поддержке; данная группа связана с группой, где связаны концептуализация близких людей и социальное состояние суицидента; отдельно и, возможно, в качестве результирующей выступает отношение к смерти, в данном случае – избегание стыда.

Оценка настоящего связана с фрустрированной потребностью в неприкосновенности, желанием защитить свое «я». Самооправдание связано с оценкой будущего-из-настоящего, которая, как мы говорили выше, всегда негативна. Обвинение как коммуникативный акт связано с фрустрированной потребностью в избегании стыда, эта группа связана с группой представлений «образ других» и фрустрированной потребностью в агрессии; религиозные представления, обнаруживаемые в суицидальных текстах у

этого типа суицидентов, образуют группу с фрустрированной потребностью в аффилиации. (рисунок 2).

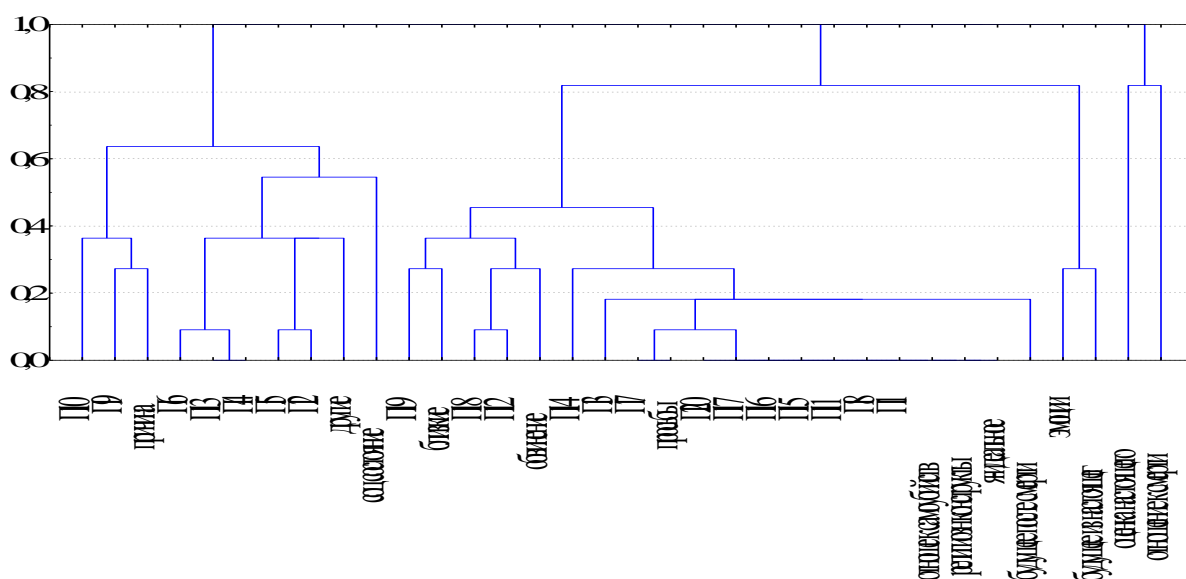

Рис. 3. Дендрограмма. Кластерный анализ данных группы 3 (представление о смерти как протест против существующих обстоятельств)

Схема отражает три семантических блока. Первый включает группы: фрустрированная потребность в самооправдании – коммуникативный акт просьбы в суицидальном тексте; фрустрированные потребности в аффилиации, порядке и представлении о будущем-после-смерти; фрустрированные потребности в неприкосновенности, избегании стыда и факт обвинения в суицидальном тексте; фрустрированная потребность в поддержке – представление о близких людях; фрустрированные потребности в доминировании и демонстративности и объяснение причины суицида; образ будущего-из-настоящего и фиксация эмоциональных состояний «я».

Второй кластер составляют признаки: фрустрированные потребности в достижении и автономии в связи с образом других, фрустрированная потребность в противодействии, представление суицидента о своем социальном состоянии.

Третий кластер образуется интегральной оценкой настоящего и представлением – отношением к смерти (рисунок 3).

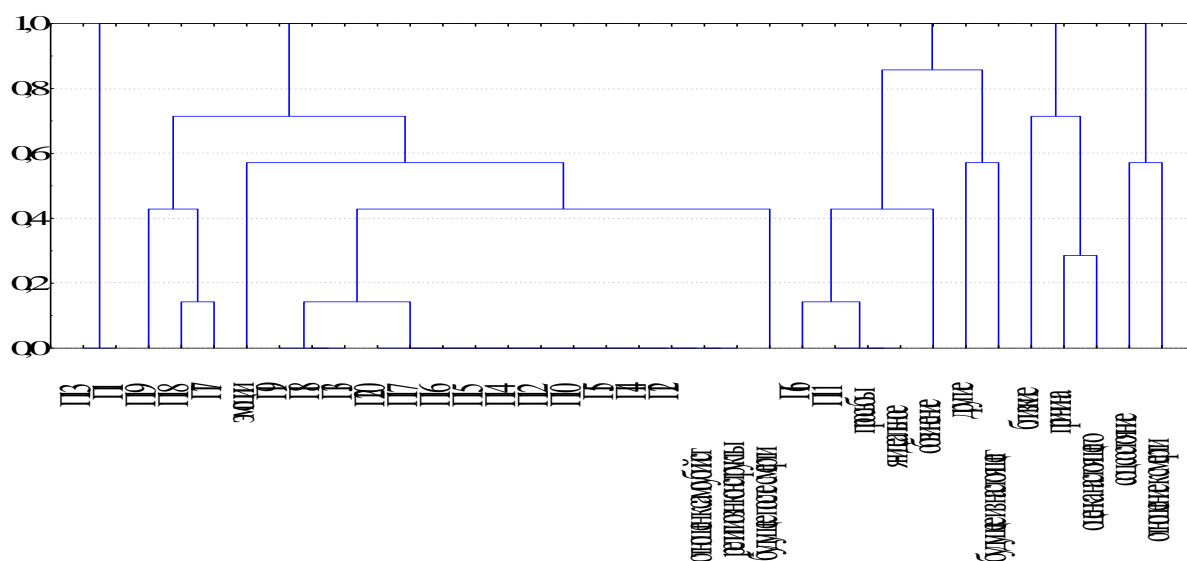

Рис. 4. Дендрограмма. Кластерный анализ данных группы 4 (представление о смерти как реализации альтруистического поведения)

Структура социального сознания суицидентов данного типа отражает актуальные для них конфигурации представлений, в том числе о взаимодействии с другими. Так, связаны фрустрированная потребность в противодействии и коммуникативные акты обвинения и просьбы, что, вероятно, отражает высокий уровень психической напряженности, связанный с данными потребностями, что определяет характер предсмертной коммуникации с адресатами суицидальных текстов; с этими признаками связана группа представлений о других и будущего-из-настоящего. Второй кластер составляют представление о близких, оценка настоящего и причина суицида в сознании суицидента. Третий кластер определяют фрустрированные потребности в чувственности и повиновении в связи с образом будущего-после-смерти, осознание своих эмоциональных состояний, а также фрустрированные потребности в самооправдании, избегании стыда и в поддержке. Четвертый кластер образован представлениями о социальном

состоянии «я» и отношением к смерти. Фрустрированная потребность в заботе о других, образуя связь с ним и другими кластерами, оформляет структуру социального сознания данного типа суицидентов (рисунок 4).

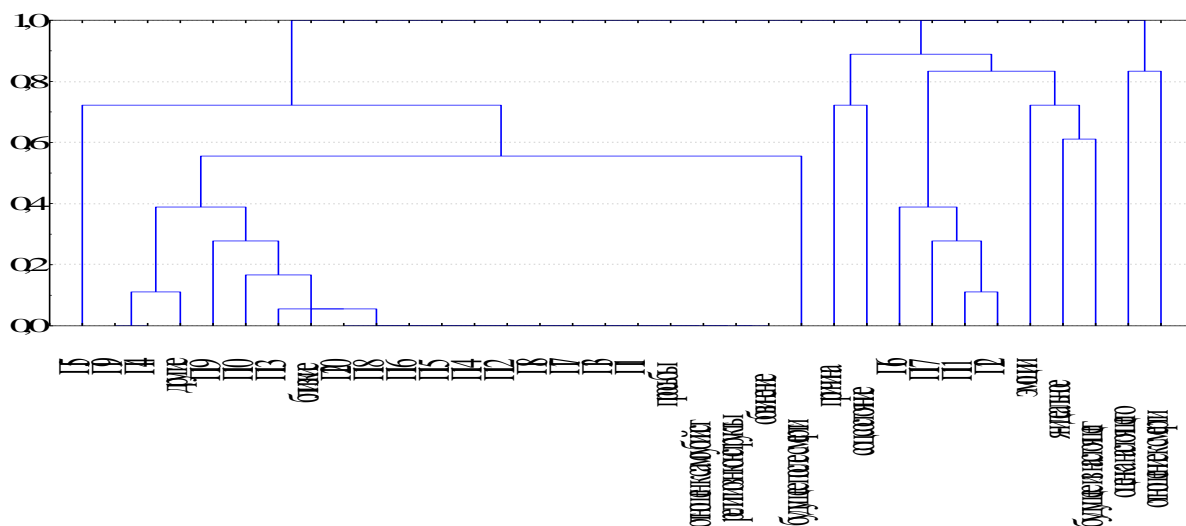

Рис. 5. Дендрограмма. Кластерный анализ данных группы 5 (представление о смерти как протесте против существующего положения дел)

Первый кластер в структуре социального сознания суицидентов этого типа образуется фрустрированными потребностями в достижении, избегании опасности, чувственности, противодействии; связью их с группой представлений об идеальном «я», будущем-из-настоящего, осознанием своих эмоций, концептуализацией своего социального состояния, причин суицида.

Второй кластер составляют группы: представление о близких в связи с фрустрированными потребностями в заботе о других и избегании стыда; в демонстративности, в получении поддержки; в агрессии в связи с представлением о других; представление о будущем-после-смерти; фрустрированная потребность в автономии (рисунок 5).

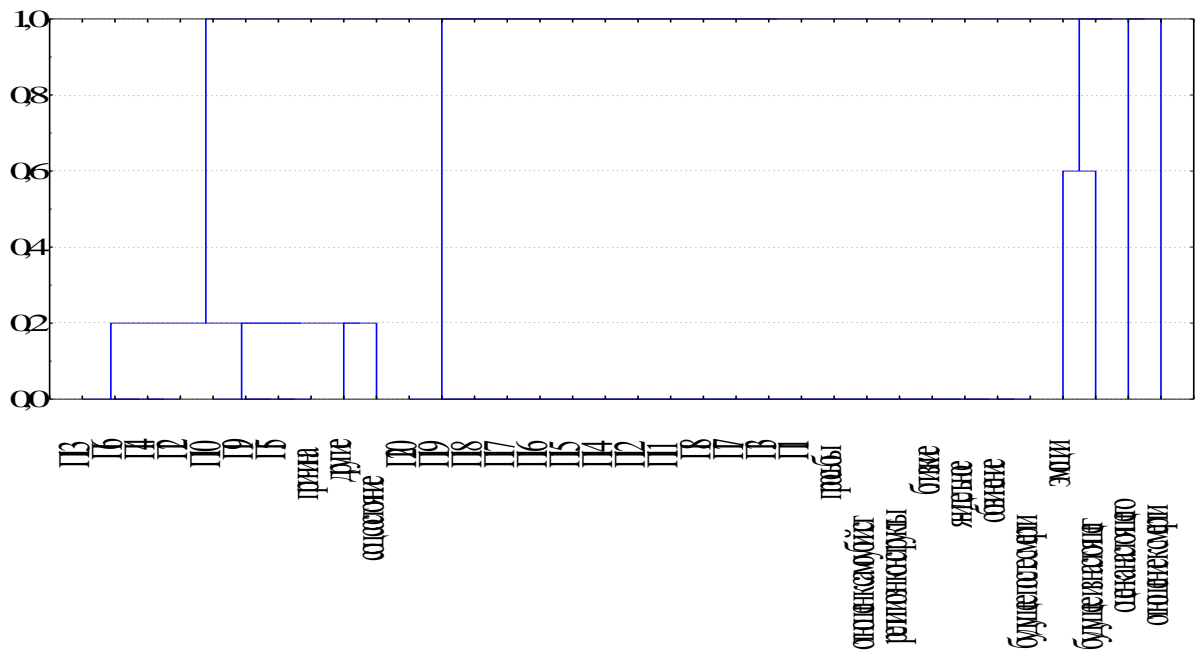

Рис. 6. Дендрограмма. Кластерный анализ данных группы 6 (представление о смерти как отказе от социальных правил)

При данном типе представления – отношения к смерти (отказ от социальных правил) – обнаруживается, что актуальными фрустрированными потребностями являются всего три: фрустрированная потребность в получении поддержки, что субъективно может отвергаться или не осознаваться; в противодействии и доминировании в составе группы с представлением о других и о социальном состоянии «я».

В сознании суицидентов данного типа значимы представление о будущем-из-настоящего, которое связано с высоким уровнем эмоционального напряжения, актуализацией эмоций; оценка настоящего; отношение к смерти.

Суициденты не подробны в построении коммуникативного акта, скорее, эгостичны, что отражено в ключевых для данного типа фрустрированных потребностях (рисунок 6).

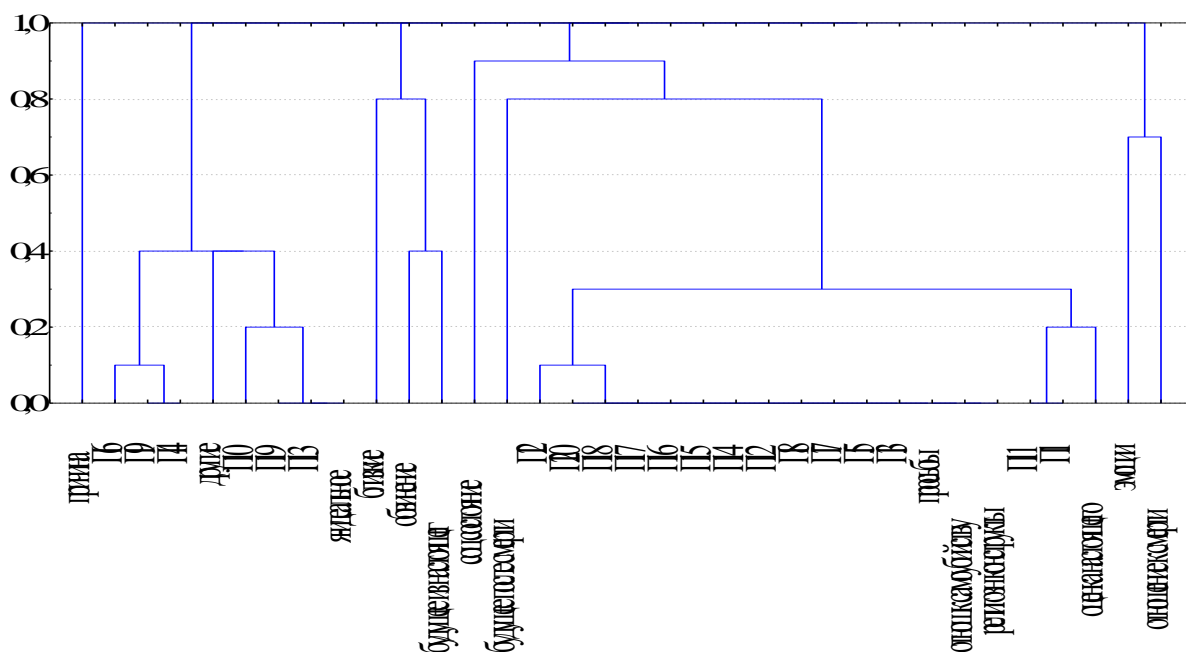

Рис. 7. Дендрограмма. Кластерный анализ данных группы 7 (представление о смерти как способе социального манипулирования)

Анализ денной дендрограммы показывает: первый кластер составляет группа фрустрированных потребностей – в самоуничтожении, избегании опасности в связи с оценкой настоящего; фрустрированные потребности в достижении, избегании стыда в связи с представлениями о будущем-после-смерти; актуализация в сознании представления о своем социальном состоянии. Второй кластер оформляется представлениям о близких, о будущем-из-настоящего и фактом обвинения. Третий кластер составляют фрустрированные потребности в агрессии, противодействии, демонстративности, заботе о других, связанных с образом других в сознании суицидента и обозначением причины суицида. Отношение к смерти имеет тесную связь с осознанием суицидентом своих эмоций.

Анализ суицидальных текстов показывает, что часть их невозможно отнести ни к одному из выделенных типов по параметру «отношение к смерти», который кажется нам ключевым и интегрирующим в отношении всех других семантических признаков. При этом не считаем разумным объединять их в отдельную группу для применения кластерного анализа в

данном случае. Возможно, кластерный анализ, предпринятый по другим признакам, позволил бы выделить еще некоторое число типов суицидентов, однако эти признаки по сравнению с отношением к жизни и отношением к смерти являются частными, а отношение к жизни, как мы считаем, – признак, семантически недостаточный для того, чтобы его положить в основу типологии суицидентов. Считаем, что качественные характеристики отношения к жизни, даже если они негативны, должны рассматриваться в континуальной структуре «отношение к смерти – отношение к жизни», что и представлено результатами проведенного кластерного анализа (рисунок 7).

2.3. Анализ особенностей социального сознания суицидентов – современных старших подростков

В данном параграфе представлен качественный анализ суицидальных текстов старших подростков, полученных нами в ходе психотерапевтической практики. Проанализируем их с точки зрения типологии суицидального сознания, представленной ранее и включающей: представления о жизни и смерти и текстуальную репрезентацию отношения к этим феноменам, представления о себе и окружающих взрослых и сверстниках – в реальной и виртуальной коммуникации, представления о своих эмоциях на основе их вербализации. Проанализируем также индивидуальные комплексы фрустрированных потребностей. На этой основе представим рекомендации для ведения коммуникации с клиентами.

Анализ индивидуального случая 1

Клиент Вадим, возраст – 15 лет.

Согласно типологии социального сознания суицидентов, относится к 1 группе (1-й кластер): представление о смерти как возможности избавиться от страданий.

Концепт суицида в сознании клиента включает: суицид как сверхзначимое событие (тема самоубийства неоднократно повторяется и развивается в каждом фрагменте разговора), «единственный выход»,

позволит «познать истину» (мифологизация, близкая к религиозной), альтернатива реальному будущему, смерть прерывает мучения. Эмоциональный компонент: интерес к суициду, интерес к тому, что будет после смерти.

Концепт будущего: моделирует будущее через осознание себя в роли отца, идентифицируется с отцом, который покончил с собой, моделирует уход из жизни в будущем, поэтому отрицает будущее («будущего нет»). Представление о трех актах смерти: смерти отца, своей в будущем – в принимаемой роли отца, в проживаемом возрасте (ближайшем будущем, планирование акта суицида).

Концепт жизни: жизнь в обыденном содержании отрицается, обесценивается: содержание жизни «надоело», «обычная», «никчемная», «ничего хорошего», «впустую», «ад» (мифолого-религиозная идеация). Эмоциональный компонент: эмоциональное напряжение («больше всего в жизни хочется умереть»), «жить неинтересно», страх перед жизнью (истолковываем как страх перед перспективой жизни, где воображение реализует суицид в роли «отца»).

Концепт «родители»: мать умерла (эмоция: грусть), отец покончил с собой (эмоциональное состояние: невыносимое переживание), не понимает, зачем родители его родили.

Концепт «я»: состояние выбора, активности в выборе (собственный выбор), принял решение («решил умереть, остановится невозможно»), «ничего нельзя сделать для стремления жить», «в детстве хотел стать бандитом», «не знаю себя».

Концептуализация социальных отношений: близкие люди – «девушка» и «подруга» (привычны, часть обыденной жизни; девушка поддерживает позицию самоубийства, пыталась покончить с собой); семья – дистанция («В семье проблемы, я трудный подросток»), работа у дяди, реальное общение есть, но обесценено (эмоции: холодность, в связи с суицидом –

«жаль их чуть-чуть»); значимость общения в сетях, но «никто не общается, не пишет»; «группы подталкивают к суициду».

Комплекс фрустрированных потребностей: фрустрированы потребности в агрессии, в повиновении, в избегании опасности, в неприкосновенности, в игре, в заботе, в чувственности, в получении поддержки.

По тесту СЖО (Д.А. Леонтьев)

Цели в жизни: уровень низкий.

Процесс жизни: уровень низкий.

Результативность жизни: уровень низкий.

Локус контроля-Я: уровень низкий.

Локус контроля-жизнь: уровень низкий.

Общий показатель ОЖ: уровень низкий.

Анализ ресурсности. В результате анализа суицидальных текстов клиента (Вадим, 15 лет) полагаем, что семантическими областями ресурсности является образ «я»:

– я как активный в своих решениях. В терапевтическом дискурсе возможно апеллировать к этой позиции – формирования решений (например, в противовес влиянию людей с суицидальными намерениями, влиянию групп смерти);

– проблемное осознание себя «не знаю себя». Дает возможность задать различные ситуации активности – социальной и физической, связанные с такими фрустрированными потребностями как, например, в заботе, в повиновении, в поддержке, в агрессии;

– образ я-ребенка с «непрожитым детством», который востребует реализации фрустрированной потребности в игре. Требуется организация игровой активности в реальном (переживание агрессии и позитивных эмоций в связи с физической активностью и победами) и в меньшей степени, возможно, в виртуальном групповом режиме (соревновательность);

– формирование позитивного образа «я – будущий отец» и позитивных представлений о взаимной ресурсности отношений в диаде «отец – ребенок».

Анализ индивидуального случая 2

Клиент Антон, возраст – 15 лет.

По типологии форм суицидального сознания (п.2.2) – представления о смерти как выражение протеста против сложившихся жизненных обстоятельств (группа 2, кластер 2).

Концепт жизни: скучная, «в ней нет радости», настоящее не удовлетворяет, изменится после окончания учебы (в школе), вызывает страх;

Будущее: ближайшее: приезд девушки; среднесрочная перспектива: можно активно планировать, образование, спорт (желание «добиваться побед»), поменять вид спорта; отделенное будущее: отъезд.

Представление о смерти: «приходит в снах», интенция – желание узнать, как будет ему, «когда она наступит». Смерть и сон ассоциированы, осмысляются как субъекты влияния на человека: «мне снится, что я должен умереть, значит, я должен сам выбрать день смерти, другого варианта у меня нет». Раскаятие.

Представления о других:

– люди, активность людей («люди типичны, делают всё примерно одно и то же», «делают хуже»), «видимое благополучие»;

– друзья («друзей больше не станет», т.е. ожидание большего числа друзей, необходимость в этом);

– одноклассники: нет поддержки;

– девушка: много учится, близкие отношения не складываются, ожидает ее приезда; концептуализирует отношения как «доверие», испытывает радость;

– дядя: влияние на психическое состояние «я», желание мести дяде;

– дед: «единственно, кто меня понимает, мой дед»;

– дедушка: умер, «все умел делать»;

- мать виновна и лжива: «она виновата в его трудностях», «живем отдельно», «устал от её бесконечной лжи»; обида на мать и бабушку;
- отец: находится в заключении;
- родные: недосказанность, «не могу простить ложь родных»; сожаление, грусть;
- близкие – «их очень мало»;
- школа: «не хочу подводить».

Концепт «я»: «я не нормальный, так как мой дядя лечится в психбольнице», принимает ситуацию медикаментозной помощи: «надеюсь, что таблетки помогут», подчиненная позиция по отношению к смерти как субъекту влияния; активность, направленная на организацию события смерти («я сам должен выбрать время»); активен в жизненных планах: «Я хотел бы получить образование»;

Концепт «правда» связан с концептом «ложь»: актуализирован как семантический комплекс в связи с «недосказанностью» в семье, «правда скрывается», мать «лжет», люди: «видимое благополучие».

Фрустрированные потребности: в агрессии; в противодействии; в доминировании; в заботе; в порядке; в чувственности, в получении поддержки, в понимании.

Данные по тесту СЖО:

Цели в жизни: средний уровень;

Процесс жизни: средний уровень;

Результативность жизни: низкий уровень;

Локус контроля-Я: низкий уровень;

Локус контроля-жизнь: низкий уровень;

Общий показатель ОЖ: низкий уровень.

Анализ ресурсности: образ активного я, образ активно конструируемого субъектом будущего для реализации потребности в противодействии людям и обстоятельствам, потребности в доминировании; обеспечение поддержки в профессиональных терапевтических

коммуникациях; научение педагогов и близких взрослых давать поддержку данному подростку; образ школы как пространства самореализации, успеха, поддержки.

Анализ индивидуального случая 3

Клиент: Карина, возраст – 15 лет.

По типологии социального сознания суицидентов (п.2.2) относится к группе 1 (кластер 1).

Концепт смерти: уход от страдания, серьезное отношение к акту смерти, «не передумаю», «желание умереть»; вместе с парнем;

Концепт я: не нужна родителям, «с отчимом не очень хорошо общаюсь»; субъект ментальных действий (в отношении акта смерти): «умирать не передумаю», «испытываю желание умереть», самоощущение, ассоциированное с родителями: «чувствую себя ужасным человеком»; суицидальный опыт: «хотели прыгнуть вдвоем с В., я сорвалась»;

Концепт «другие»:

– родители: «Я не нужна своим родителям»; самообвинение: «сама этого добилась»; «с отчимом не очень хорошо общаюсь»;

– мать: «мать меня ненавидит»;

– отец: родной отец, «бил маму»

– одноклассники: «не воспринимают», «докапываются», «ненавидят», «надоели»;

– люди: «в моей жизни нет людей, которые бы боялись меня потерять»;

– друзья: «их нет»;

– парень: «он хорош, постоянно думает о суициде»; пропал; был в клинике; страх, волнение; надежда на лучшее; «плохо без него»;

– родные: дистанция, формальное перечисление: мама, отчим, две сестры, брат;

Концепт «жизнь»: не актуализирован в других смыслах, нежели качество отношений с близким кругом людей (семья, друг, одноклассники).

Фрустрированные потребности: в достижении; в агрессии, в доминировании; в чувственности; в получении поддержки; в понимании, в заботе.

Данные по тесту СЖО (Д.А. Леонтьев):

Цели в жизни: низкий уровень;

Процесс жизни: низкий уровень;

Результативность жизни: средний уровень;

Локус контроля-Я: низкий уровень;

Локус контроля-жизнь: низкий уровень;

Общий показатель ОЖ: низкий уровень.

Ресурсность: принятие на себя вины за разрыв коммуникаций в семье, желание качественных коммуникаций и отношений, развитие внутрисемейных коммуникаций, отношений; развитие эмоциональных отношений с другом; организация жизненных событий; организация ситуаций, где клиент может проявлять заботу; развитие уверенности в себе; фиксация и поощрение достижений.

Анализ индивидуального случая 4

Клиент: Лера, возраст – 15 лет.

По типологии социального сознания суицидентов (п.2.2) относится к группе 6 (кластер 6): представление о смерти как отказе от социальных правил.

Концепт смерти: не боится смерти, «ведь смерть и жизнь – две стороны одной медали», «смерть – лучшее решение», планирует способ суицида: «спрыгнуть с 6 этажа, разбиться насмерть или умереть от кровотечения», смерть как внешняя сила: желание быть убитой, «смерть не щадит никого, неважно, молод или стар».

Концепт «другие»:

– «общество»: «В нашем обществе лучше быть бесчувственной»;

– «люди»: «Зачем людям жизнь, если они сами уничтожают её», «Люди – алчные, жадные и грязные, они ужасны и похотливы», «Все скрываются за

масками», «Тот, кто слаб, не достоин жить»; потенциально могут принести смерть;

– «сестры»: разница в возрасте, «отталкивает», «нет времени на меня».

Концепт «жизнь»: «Я хотела бы прожить жизнь так, как хочется»; «Возможно, жизнь была бы счастливой, если бы люди не имели памяти»; «Судьбы нет, поэтому нет смысла от нее бежать»; «Это всего лишь накопление опыта», «Хочется, чтобы жизнь была сном», «На что мне жизнь? Если я её не хотела».

Концепт «я»: активность в планировании способа смерти, возможность счастья, «я» противопоставлено негативно оцениваемым «другим»; слабость; «Я будто сломанная кукла, лишённая воли и зависящая от семьи»; чувство страха; переживание одиночества; переживание чувства вины перед родителями за возможный суицид;

Концепт «прошлое»: «память» приносит страдание;

Концепт «будущее»: «возможно счастье»;

Фрустрированные потребности: в достижении, в агрессии, в автономии, в противодействии, в доминировании, в демонстративности, в избегании стыда, в получении поддержки, в заботе.

Данные по тесту СЖО (Д.А. Леонтьев):

Цели в жизни: средний уровень;

Процесс жизни: низкий уровень;

Результативность жизни: низкий уровень;

Локус контроля-Я: низкий уровень;

Локус контроля-жизнь: низкий уровень;

Общий показатель ОЖ: низкий уровень.

Ресурсность: ресемантизация прошлых событий: их ценность для опыта; развитие позитивных представлений о людях; субъективная интерпретация жизни как сна, снижение эмоционального напряжения, ресемантизация «жизни»; создание ситуаций заботы; создание ситуаций, где подросток может проявлять агрессию, противодействие, может

доминировать, проявлять свою позицию, при этом ему выражается поддержка со стороны педагогически квалифицированного взрослого (возможен ряд педтехнологий, реализуемых педагогами); создание ситуаций, где подросток может переживать «счастье»; научение выражению различных чувств как нормы, создание ситуаций, где нормальным является проявление тех или иных чувств, развитие представления о людях как чувствующих.

Анализ индивидуального случая 5

Клиент: Сильвия, возраст – 15 лет.

По типологии социального сознания суицидентов (п.2.2) относится к группе 1 (кластер 1): представление о смерти как возможности избавиться от страданий.

Концепт «смерть»: есть образцы суицидального поведения: «Хочу умереть как Есенин», игра со смертью: «Жалею, что не закончила свою первую игру со смертью».

Концепт «жизнь»: «мир» как мир счастливых людей; «Жизнь, это всегда одно и то же, ничего нового в ней нет», «Я не собираюсь оставаться в этом мире надолго», «Лучше умереть, чем жить», негативные жизненные события: драка со сверстницами, вызов к директору, прием у психиатра, прием у психолога (негативные переживания, тяжелые воспоминания, «руки тряслись»), «мужчины мамы», неудачная попытка суицида, отъезд бабушки (уехал, собрав вещи и ничего не сказав).

Будущее: «Я никогда не увижу своих детей».

Концепт «прошлое»: «позитивные воспоминания»; «поднимают настроение».

Концепт «я»: несчастлива: «В этом мире нет места для меня счастливой, как и нет меня счастливой»; аутоагрессия: «Желание убить себя», «...моими проблемами»; «я» противостоит другим: «остаюсь со своей правдой».

Концепт «другие»:

– учителя: «Учителя и родители чаще бывают несправедливы к детям, чем справедливы»;

– сверстники: агрессивны, нападают, «На агрессию надо отвечать агрессией», «С другими надо держаться своей правды», вызывают злость, агрессию, драки;

– друг: ушел к другой;

– подруга: «утешает, разговаривает по телефону, гуляет со мной»; доверие; «иногда ссоримся»;

– мачеха: роль матери, дружба, дети;

– мать: выпивает, «находит причины, чтобы не разбираться с моими проблемами», «желаю ей смерти»; «боится, что научу детей мачехи плохому»;

– бабушка: ругает, «пытается меня побить»;

– семья: «не могут решить, кто будет меня сопровождать», «в семье нет теплых чувств друг к другу».

Фрустрированные потребности: в аффилиации, в повиновении, в избегании опасности, в понимании, в заботе, в поддержке.

Данные по тесту СЖО (Д.А. Леонтьев):

Цели в жизни: низкий уровень;

Процесс жизни: низкий уровень;

Результативность жизни: низкий уровень;

Локус контроля-Я: низкий уровень;

Локус контроля-жизнь: низкий уровень;

Общий показатель ОЖ: низкий уровень.

Анализ ресурсности: ценность эмоциональных внутрисемейных отношений, ценность дружбы; ситуации эмоциональной поддержки со стороны близких взрослых; ориентация на переживание счастья; значимость детей; создание внутрисемейных педагогических ситуаций, где подросток будет реализовывать потребность в повиновении; создание подростку ситуаций заботы о других.

Анализ индивидуального случая 6

Клиент: Софья, возраст – 15 лет.

По типологии социального сознания суицидентов (п.2.2) относится к группе 3 (кластер 3): представление о смерти как протесте против сложившихся жизненных обстоятельств.

Концепт смерти: смерть дяди, смерть друга, похороны; как пространство / объект «смерть» не вербализуется.

Концепт будущее: отсутствие надежды; констатирует ситуацию похорон.

Концепт «сон»: противопоставлен «жизни» как другое состояние и пространство; возможность достижения счастья, «счастливые люди могут быть только во сне»; «во сне мы радуемся»; нарушенный сон: «по три раза за ночь просыпаюсь».

Концепт жизни: «мир» как несовершенный; «просыпаюсь по три раза за ночь», «плохо мне»;

Концепт «я»: страх, беспокойство, значимое состояние – сон, «могу быть с тобой только во сне», «мы радуемся (во сне)».

Концепт «другие»:

- люди: «люди существуют, чтобы использовать друг друга»;
- одноклассники: непонимание, эмоциональная дистанция: «Зачем мои одноклассники придут на мои похороны? Пойдут ведь только и уйдут»;
- дядя: похороны дяди; «не могу поверить в случившееся»; «подавленность»; «снится он»;
- друг: «мне не по себе», «мы», «во сне мы радуемся», «я могу быть с тобой только во сне, я чувствую твое присутствие»;
- социальное пространство «школа»: «растерянность» (утрата целей), «не хожу в школу», «не хочу ходить туда в ближайшее время».

Фрустрированные потребности: в достижении, в понимании; в неприкосновенности, в чувственности, в заботе, в порядке, в повиновении.

По результатам теста СЖО (Д.А. Леонтьев):

Цели в жизни: средний уровень;
Процесс жизни: средний уровень;
Результативность жизни: средний уровень;
Локус контроля-Я: низкий уровень;
Локус контроля-жизнь: средний уровень;
Общий показатель ОЖ: средний уровень.

Анализ ресурсности: в сознании лично не проработан концепт смерти; глубинно: ожидание эмоциональной поддержки; позитивные эмоциональные отношения со значимыми людьми; требуется нормализация сна, возможно, аппаратно; снижение уровня психического напряжения; со стороны родителей: упорядочение активности в связи с установленными социальными правилами на фоне заботы о нервно-психическом состоянии; со стороны школы: демонстрация понимания, предложение позитивного контакта, ожидание готовности включиться в учебный процесс.

Анализ индивидуального случая 7

Клиент: Матвей, возраст – 14 лет.

По типологии социального сознания суицидентов (п.2.2) относится к группе 1 (кластер 1): представление о смерти как возможности избавиться от страданий.

Концепт «смерть»: «Бросался под колеса, пил таблетки, но смерть меня не брала, пока»; «Дети идут на дорогу смерти, благодаря другим детям»; «Может ада и рая нет».

Концепт «жизнь»: «мир», люди в нем, эмоциональная дистанция; возможное содержание жизни в будущем: «мечта» покупка мотоцикла – радость; бывшие друзья, хотел бы восстановить отношения с ними.

Концепт «будущее»: возможная реализация мечты.

Концепт «я»: «я байкер», суицидальный опыт; «дети», влияние других «детей» в развитии суицидального поведения; ментальный субъект (религиозная мифология).

Концепт «другие»:

- «все»: «В мире все злые, все крутые, терпеть не могу все свое окружение»;
- родители: во мн.ч.: «родители не покупают» (мотоцикл);
- мама: теплое; умерла; воспоминания; ассоциирована с Москвой, приятными воспоминаниями, «были там»;
- сестра: «никак», раздражение;
- бабушка: «строгая», «воспитывает меня», «ссоры»;
- подруга: дружба, «то миримся, то ссоримся», одиночество;
- собака: <упоминает>;
- школа: «пофигу»;
- «классная» (классный руководитель): «непонимание», «злая», «не ладится».

Концептуализация высоты: «крыша»: как субъект воздействия: «тянет»; отчаяние; «мост»: «пустота».

Концепт «любовь»: <упоминает>.

Фрустрированные потребности: в достижении, в аффилиации, в неприкосновенности, в чувственности, в понимании, в поддержке.

Результаты по тесту СЖО (Д.А. Леонтьев):

Цели в жизни: средний уровень;

Процесс жизни: средний уровень;

Результативность жизни: низкий уровень;

Локус контроля-Я: низкий уровень;

Локус контроля-жизнь: низкий уровень;

Общий показатель ОЖ: низкий уровень.

Анализ ресурсности: десемантизация смерти подростком: пустота, не ад и не рай; готовность к принятию социальных контактов; ориентация на позитивно-эмоциональные отношения с девушкой, женщинами; продуктивные мечты, построение жизненных планов, создание представления о нужности в событиях будущей жизни; желание ощущать полноту жизни; мотоспорт; ожидание продуктивных и позитивных

эмоциональных отношений со стороны школьных педагогов; развитие коммуникативных навыков для общения со сверстниками; со стороны бабушки, сестры, классного руководителя требуется позитивный эмоциональный контакт.

Анализ индивидуального случая 8

Клиент: Алена, возраст – 15 лет.

По типологии социального сознания суицидентов (п.2.2) относится к группе 7 (кластер 7): смерть как возможность социальной манипуляции.

Концепт «смерть»: «может быть красива», достижение вечного существования: «буду жить вечно в сети», слава: да и вообще когда я умру, я могу стать известной, все будут говорить обо мне, похоронят в красивом платье», «меня будут помнить»; «свобода».

Концепт «жизнь»: «отстой», дистанцируется от содержания обыденной жизни; «это мое нелепое существование», «Я не понимаю, зачем живу»; «И жить не хочу, надоело все».

Концепт «я»: «я достойна стать знаменитой»; интересы: мода, Лондон; болезнь, поэтому три недели не ходила в школу, заботится о своем здоровье: «спасибо, стараюсь», «что нужно мне, всем пофиг»; «хочу забраться на крышу»; желание свободы; свобода – «полет».

Концепт «другие»:

– «люди»: негативное восприятие «я», источник конфликта: «Зачем люди реагируют, когда просто можно не обращать внимания»; «И вообще не хочу никого видеть», «Всем от меня не что нужно»;

– «психолог»: «психологиня», раздражение, желание освободиться от влияния: «достала»; «хорошо скооперировались с матерью»;

– «мать»: «затыкает»; «упреки»; «после её разглагольствований на тему пропущенных звонков и поздних возвращений домой, я поняла, почему это делаю. Она говорила, что это её «психологически убивает». Так вот: я этого хочу»; «игнорирует меня»; «неприятны прикосновения», «пусть признает

свои действия перед теми, кому врала»: «оправдывает, что ЕЙ ПРИШЛОСЬ МЕНЯ СЛЕГКА (самую малость) ПРИДУШИТЬ»; «мать меня ненавидит»;

– «родственники»: «им только что-то надо от меня»;

– «бабушка»: «надавила и заверила, что все будет хорошо» (по поводу посещения психолога),

– «друг»: «понимание», «хороший»; не связывает с ним возможности решить проблемы: «Мне не нужна поддержка, зачем мне его напрягать. Это мои проблемы»;

– «школа»: «Уроки делаю по возможности, ибо иногда совсем плохо»; «В школе все как обычно»; «Меня бесит этот класс», «Не хочу их видеть».

Фрустрированные потребности: в порядке, в аффилиации, в агрессии, в противодействии, в доминировании, в демонстративности, в избегании опасности, в неприкосновенности, в игре, в поддержке.

Результаты по тесту СЖО (Д.А. Леонтьев):

Цели в жизни: средний уровень;

Процесс жизни: низкий уровень;

Результативность жизни: низкий уровень;

Локус контроля-Я: низкий уровень;

Локус контроля-жизнь: низкий уровень;

Общий показатель ОЖ: низкий уровень.

Анализ ресурсности: потребность в аффилиации, в неприкосновенности, в достижении, поддержание здоровья, готовность к коммуникации; интересы: мода, идея славы; ресемантизация «свободы»: возможность достижения свободы; коррекция детско-родительских отношений.

Анализ индивидуального случая 9

Клиент: Аня, возраст – 15 лет.

По типологии социального сознания суицидентов (п.2.2) относится к группе 1 (кластер 1): представление о смерти как возможности избавиться от страданий.

Концепт «смерть»: «Смерть – сон, умереть бы во сне»; «все уравнивает»;

Концепт «жизнь»: жизнь – обман (актуальное содержание); накопление опыта (в негативном контексте); свобода выбора.

Концепт «будущее»: «борьба».

Концепт «я»: «могу быть верной», попытка суицида, «хочу не быть фальшивым», свобода выбора.

Концепт «другие»:

– «люди»: «Никому нельзя доверять, люди никогда не будут верны друг другу» (гиперобобщение); «когда-нибудь люди не будут врать друг другу»;

– «друг»: разрыв отношений, «предал», потребность «как в воздухе», разочарование; «похоть», отвращение;

– «мать»: страх, «она меня ненавидит», пустота;

– «школа»: «одна морока».

Концепт «верность»: состояние «я», друг.

Фрустрированные потребности: в игре, в агрессии, в заботе, в чувственности; в получении поддержки; в понимании, в достижении.

Результаты по тесту СЖО (Д.А. Леонтьев):

Цели в жизни: низкий уровень;

Процесс жизни: низкий уровень;

Результативность жизни: низкий уровень;

Локус контроля-Я: низкий уровень;

Локус контроля-жизнь: низкий уровень.

Анализ ресурсности: коррекция представлений о людях; ресемантизация концепта «опыт»; развитие детско-родительских отношений; создание ситуаций для реализации фрустрированных потребностей в чувственности, в заботе, в достижении.

Анализ индивидуального случая 10

Клиент: Эльвира, возраст – 15 лет.

По типологии социального сознания суицидентов (п.2.2) относится к группе 1 (кластер 1): представление о смерти как возможности избавиться от страданий.

Концепт «смерть»: «лучшее решение», «жизнь и смерть всегда рядом со мной», «жизнь и смерть – две стороны одной медали».

Концепт «жизнь»: мир: горы, вода, камешки, рыбки, пилинг; люди «уничтожают» жизнь: «Зачем людям жить, если они сами ее уничтожают»; «жизнь и смерть всегда рядом со мной»; «жизнь и смерть – две стороны одной медали»; «кровь», «кровная связь».

Концепт «я»: слабость: «тот, кто слаб сам, не достоин жить», принятие решения, причиняет «боль» другим; ощущение границы жизни и смерти; «я не боюсь смерти»; одиночество, «как же плохо мне одной»; «моя судьба»: «неужели такова моя судьба»; возможность счастья – не помнить, «потерять память»; фальшь: «не хочу больше врать и обманывать»; ощущение вины; ненависть к себе; «чужая роль»; интересы: аниме; «самоубийство – мое предназначение»; «в реальной жизни мне не нужны любовь и эмоции».

Концепт «другие»:

- «никто за мной не придет»;
- «простите меня, пожалуйста»;
- «отношения не складываются»;
- «мама»: семейный отдых,
- «друг»: «я сделала ему больно»;
- «школа» как социальное пространство: «идти не хотела»,
- «сестра»: старше, замужем, «не живет с нами».

Концепты: «высота», «окно», «тьма», «колокола», «холод».

Фрустрированные потребности: в понимании, в порядке, в получении поддержки, в противодействии, в подчинении, в заботе, в достижении, в неприкосновенности.

Результаты теста СЖО (Д.А. Леонтьев):

Цели в жизни: низкий уровень;

Процесс жизни: средний уровень;

Результативность жизни: низкий уровень;

Локус контроля-Я: средний уровень;

Локус контроля-жизнь: низкий уровень;

Общий показатель ОЖ: средний уровень.

Анализ ресурсности: чувственное, детальное восприятие реальности; ресемантизация концептов «люди», «судьба», «одиночество», «будущее», «опыт»; коррекция детско-родительских отношений, контроль получаемой информации из различных источников (аниме и др.).

Анализ особенностей социальных представлений (социального сознания) выборки старших подростков показывает:

1) большинство старших подростков (6 из 10 проанализированных случаев, составляющих сплошную выборку) имеет представление о смерти как возможности избавиться от страданий, а именно от психологической «боли»; состояние концептуализируют как «боль», «мне плохо», переживание «одиночества»;

2) суицид концептуализируется как «единственный выход», «лучшее решение» с вариантами ментальных, эмоциональных, социальных исходов: «не будет мучений»; «смерть – сон» как суррогат жизни вне человеческой социальности; позволяет «познать истину», реализует интерес к тому, что «будет после смерти»; «может, ада и рая нет»; «смерть все уравнивает»;

3) жизнь концептуализируется как «обычная», «никчемная», «ничего хорошего», в аспекте качества отношений с близким кругом людей (семья, друзья, одноклассники); эмоциональными компонентами образа «жизнь» являются: страх перед жизнью, «жить неинтересно», не реализуется идея/состояние «счастья», актуальное содержание жизни – обман, накопление опыта (негативного);

4) ядерными представлениями в образе «я» в сознании суицидентов – старших подростков 1-ой группы (6 чел.) являются представления о себе

как о ребенке («в детстве хотел стать ...»); как о человеке «ненужном», с затрудненными внутрисемейными коммуникациями; как об объекте влияния (со стороны взрослых, групп смерти); как о человеке, противостоящем другим и психологически дистанцированному от друзей; как о субъекте ментальных действий – в отношении смерти и акте суицида; одновременно как о человеке активном в принятии решений (в какое время приходит домой, ходить или не ходить в школу, «я решил умереть», «умирать не передумаю», отказ от эмоций); в случае суицидального опыта – представление об акте суицида. Эмоциональный компонент образа «я» – подавленное состояние, грусть, переживание себя «несчастливой(-ым)»;

5) социальные отношения, как правило, концептуализируются как часть обыденной жизни, ядерным компонентом социальных представлений являются представления о семье и взаимоотношениях с родственниками. Обнаруживается значимость позиции ребенка и позитивных эмоциональных внутрисемейных контактов в этой роли, а также в структуре сиблинговых отношений. Обнаруживается тенденция к идеализации взрослых на фоне низкой оценки качества внутрисемейных контактов: старшие подростки выдвигают идеализированные требования к семье (значимость образа полной семьи) и родителям: высокие нравственные требования к ним, идеализация ролей «мать» и «отец». Сверхзначимыми субъектами являются мать и отец, при этом отношение и поведение матери концептуализируется как «ненависть» («она меня ненавидит») или отторжение ребенка, отца – «бьет» (мать или подростка);

6) обнаруживается сверхзначимость виртуальной среды общения, а именно множества контактов для общения в социальных сетях при субъективном снижении значимости межличностного общения с небольшим близким кругом, включающим друзей/подруг;

7) наиболее актуальными фрустрированными потребностями в группе суицидентов – старших подростков являются (со снижением частоты встречаемости): потребность в получении поддержки, в понимании, в

противодействию (сюда же включим потребности в агрессии и в доминировании), в чувственности, в осуществлении заботы, в достижении, в неприкосновенности, в повиновении, в аффилиации, в избегании опасности, в игре, в порядке;

8) при значительном числе фрустрированных социальных потребностей активность старших подростков в принятии решений имеет аутонаправленный, преимущественно аутодеструктивный характер. Незаботанный образ собственного будущего затрудняет формирование позитивных вариантов перспективных жизненных событий; образ настоящего, как правило, экстраполируется в ближайшее будущее. Лишь у некоторых суицидентов – старших подростков есть мечта, которая может считаться основой разработки сознанием витальных представлений («уехать в другой город», «дети»);

9) анализ позволяет определить области ресурсности в системе социальных представлений старших подростков: они лежат, в том числе, в области представлений о себе и связаны с активным моделированием позитивных социальных отношений – прежде всего, внутрисемейных. Однако в педагогической ситуации, в которой оказываются старшие подростки, ресурсность преодоления суицидального поведения и идеаций определена фрустрацией значимых для них социальных потребностей со стороны взрослых. Поэтому для коррекции суицидальных и других аутодеструктивных форм поведения требуется организация школьного плана действий, повышение психологической компетентности педагогов и родителей;

10) для ведения терапевтической практики требуется развитие у психологов и психотерапевтов навыка анализа содержания суицидальных текстов в актуальном режиме и навыка строить вербальную коммуникацию, отвечающую психологическому запросу (индивидуальной, субъективно интерпретируемой проблематике) подростка.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

В результате качественного анализа материала по выборке в целом были выявлены следующие особенности суицидального сознания: его основной характеристикой является амбивалентность, в первую очередь, в отношении к смерти как феномену. Преимущественно оно характеризуется положительной вербальной оценкой смерти, что соответствует мнению В.А. Тихоненко о том, что в принятии решения о самоубийстве важным является переоценка смерти и смена отношения к ней с отрицательного, свойственного обыденному сознанию, на положительный. Но в восприятии образа смерти встречаются также и негативные эмоции. Интересные наблюдения сделаны нами в отношении представлений о смерти: одновременное присутствие концептов движение и покой, а также восприятие ее как собственного выбора и одновременное указание на неприятие его. Настоящее и будущее видится суицидентам исключительно негативно, тогда как загробная жизнь связана с надеждой на освобождение и покой, и оценивается чаще положительно, однако при этом самоубийство как способ прекращения жизни неизменно вызывает отрицательное отношение. Все это свидетельствует о двойственности социальных представлений и конфликтной структуре социального сознания суицидентов, а также о необходимости точно диагностировать и учитывать соотношение витальных и авитальных тенденций в психотерапевтической практике.

С целью выявления особенностей социального сознания суицидентов – структур их социальных представлений с помощью кластерного анализа в суицидальных текстах нами было выделено несколько базовых категорий – смысловых единиц. Среди них:

– отношение к *смерти* (сюда входит то, как это понятие представлено в сознании суицидента, и смысл, который приобретает смерть в каждом отдельном случае, если удастся его выделить);

– представление о *жизни* (к нему в анализируемых текстах можно отнести то, как суицидент воспринимает настоящее и будущее, с том числе будущее, как оно представляется сейчас, «в этом мире», и то, каким оно видится после смерти);

– *обвинение* (кто, по словам суицидента, виноват в его смерти);

– *Я-концепция* (представление о себе в настоящем, социальное состояние, в котором находится суицидент, и так называемое Я-идеальное – то, каким суицидент хочет, чтобы его воспринимали, как о нем думали и т.п.);

– представления о своих *эмоциях*;

– отношение к *людям* (близким и другим);

– *причины* (на которые конкретно указывают суициденты или понятные из контекста);

– отношение к *самоубийству* и др.

В качестве факторов, которые могут иметь влияние на формирование этих смыслов, мы ввели в методику контент-анализа 20 фрустрированных потребностей (согласно классификации Э. Шнейдмана).

С помощью контент-анализа по выборке суицидальных текстов в целом было выделено 7 типов отношения суицидентов к смерти, которые по результатам кластерного анализа представлений в группах с различными типами отношения к смерти позволяют уточнить структуру социального сознания суицидентов и значимые для развития деструктивных социальных представлений группы фрустрированных потребностей.

По каждому из типов отношения к смерти был проведен кластерный анализ с целью определения связей, существующих между параметром отношения к смерти и другими смысловыми категориями текстов и формирующими их потребностями.

Выборка суицидальных текстов старших подростков (N=10) позволяет обнаружить особенности их социальных представлений (социального сознания):

1) большинство старших подростков (6 из 10 проанализированных случаев, составляющих сплошную выборку) имеет представление о смерти как возможности избавиться от страданий, а именно от психологической «боли»; состояние концептуализируют как «боль», «мне плохо», переживание «одинокости»;

2) суицид концептуализируется как «единственный выход», «лучшее решение» с вариантами ментальных, эмоциональных, социальных исходов: «не будет мучений»; «смерть – сон» как суррогат жизни вне человеческой социальности; позволяет «познать истину», реализует интерес к тому, что «будет после смерти»; «может, ада и рая нет»; «смерть все уравнивает»;

3) жизнь концептуализируется как «обычная», «никчемная», «ничего хорошего», в аспекте качества отношений с близким кругом людей (семья, друзья, одноклассники); эмоциональными компонентами образа «жизнь» являются: страх перед жизнью, «жить неинтересно», не реализуется идея/состояние «счастья», актуальное содержание жизни – обман, накопление опыта (негативного);

4) ядерными представлениями в образе «я» в сознании суицидентов – старших подростков 1-ой группы (6 чел.) являются представления о себе как о ребенке («в детстве хотел стать ...»); как о человеке «ненужном», с затрудненными внутрисемейными коммуникациями; как об объекте влияния (со стороны взрослых, групп смерти); как о человеке, противостоящем другим и психологически дистанцированному от друзей; как о субъекте ментальных действий – в отношении смерти и акте суицида; одновременно как о человеке активном в принятии решений (в какое время приходит домой, ходить или не ходить в школу, «я решил умереть», «умирать не передумаю», отказ от эмоций); в случае суицидального опыта – представление об акте суицида. Эмоциональный компонент образа «я» – подавленное состояние, грусть, переживание себя «несчастливой(-ым)»;

5) социальные отношения, как правило, концептуализируются как часть обыденной жизни, ядерным компонентом социальных представлений являются представления о семье и взаимоотношениях с родственниками. Обнаруживается значимость позиции ребенка и позитивных эмоциональных внутрисемейных контактов в этой роли, а также в структуре сиблинговых отношений. Обнаруживается тенденция к идеализации взрослых на фоне низкой оценки качества внутрисемейных контактов: старшие подростки выдвигают идеализированные требования к семье (значимость образа полной семьи) и родителям: высокие нравственные требования к ним, идеализация ролей «мать» и «отец». Сверхзначимыми субъектами являются мать и отец, при этом отношение и поведение матери концептуализируется как «ненависть» («она меня ненавидит») или отторжение ребенка, отца – «бьет» (мать или подростка).

б) обнаруживается сверхзначимость виртуальной среды общения, а именно множества контактов для общения в социальных сетях при субъективном снижении значимости межличностного общения с небольшим близким кругом, включающим друзей/подруг.

При выявленном значительном числе фрустрированных социальных потребностей (потребность в получении поддержки, в понимании, в противодействии, агрессии, доминировании, в осуществлении заботы, в неприкосновенности, в повиновении, в аффилиации, в игре, в порядке) активность старших подростков в принятии решений имеет аутонаправленный, преимущественно аутодеструктивный характер. Незаработанный образ собственного будущего затрудняет формирование позитивных вариантов перспективных жизненных событий; образ настоящего, как правило, экстраполируется в ближайшее будущее. Лишь у некоторых суицидентов – старших подростков есть мечта, которая может считаться основой разработки сознанием витальных представлений («уехать в другой город», «дети»).

Ресурсность преодоления авитальных тенденций определена для каждого индивидуального случая.

Вместе с тем, анализ позволяет определить области ресурсности в системе социальных представлений старших подростков: они лежат, в том числе, в области представлений о себе и связаны с активным моделированием позитивных социальных отношений – прежде всего, внутрисемейных. Однако в педагогической ситуации, в которой оказываются старшие подростки, ресурсность преодоления суицидального поведения и идеаций определена фрустрацией значимых для них социальных потребностей со стороны взрослых. Поэтому для коррекции суицидальных и других аутодеструктивных форм поведения требуется организация школьного плана действий, повышение психологической компетентности педагогов и родителей.

Для повышения эффективности терапевтической практики требуется развитие у психологов и психотерапевтов навыка анализа содержания суицидальных текстов в актуальном режиме и навыка строить вербальную коммуникацию, отвечающую психологическому запросу (индивидуальной, субъективно интерпретируемой проблематике) подростка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование было посвящено актуальной, в том числе, региональной проблеме подросткового суицида.

Теоретическое исследование показало, что наиболее эффективной исследовательской технологией является контент-анализ суицидальных текстов, которые отражают системы социальных представлений суицидента, факты осознания им своих психических, эмоциональных состояний, строя мыслей, логики рассуждений, поведения. Метод экспертной оценки психологического содержания суицидальных текстов позволяет возвращаться к анализу столько, сколько требуется, тем самым формировать более высокий уровень научной основы психотерапевтических практик с суицидентами.

Были выявлены особенности структур социальных представлений в связи с комплексами фрустрированных потребностей в выборке суицидальных текстов, первоначально вне возрастной проблематики суицидальных идеаций и поведения. Выявлено 7 типов структур социального сознания суицидентов.

В теоретическом плане продолжением исследований по проблеме суицида могут стать кросс-культурные (межрегиональные, страновые, цивилизационные) исследования.

Выборка суицидальных текстов старших подростков, полученных нами в ходе психотерапевтической практики, позволила сделать выводы об особенностях социальных представлений и комплексе фрустрированных потребностей старших подростков.

Исследование значимо в отношении определения внутренних психических ресурсов (ментальных, эмоциональных, представлений о социальных отношениях) старших подростков в задачах преодоления суицидальных идеаций и поведения. При этом исследование показало значимость, прежде всего, качества педагогических и внутрисемейных

коммуникаций как психосоциального ресурса суицидентов – старших подростков. Это также является определяющим для профилактики развития суицидального поведения у подростков, чье суицидальное поведение не является следствием психического заболевания.

Продолжением работы с необходимостью должна стать разработка проекта психологического сопровождения образовательного процесса подростковой школы с целью создания качества психологической среды, действительно обладающей профилактическими свойствами. Требуется повышение психологической компетентности педагогов подростковой школы. Школьным психологам рекомендуется организация и реализация проектов развития родительской компетентности. Школьные практики получения множества различных текстов подростков позволяют осуществлять раннюю диагностику факторов развития аутодеструктивных мыслей и поведения, включая суицидальные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 88–103.
2. Амбрумова А.Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения // Актуальные проблемы суицидологии / Отв.ред. А.А. Портнов. М.: 1978. С. 44–59.
3. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для вузов. М.: Наука, 2014. 324 с.
4. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные проблемы суицидологии / Отв.ред. А.А. Портнов. М.: 1978. С. 6–28.
5. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. В.Н. Нерознака. М.: 1997. С. 267–280.
6. Березин С.В., Лисецкий К.С. Особенности старшего подросткового возраста. М.: 2006. 140 с.
7. Бердяев Н.А. О самоубийстве. Психологический этюд. М.: МГУ, 1992. 23 с. URL: http://bookz.ru/authors/sbornik/suicidol_381/page-9-suicidol_381.html (дата обращения 13.05.2017).
8. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
9. Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 40–46.
10. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: 2001. С. 34–42.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: 1995. С. 54–75.

12. Библер В.С. Сознание и мышление (Философские предпосылки) // Философско-психологические предположения Школы диалога культур. М.: РОССПЭН, 1998. С. 13–88.
13. Брунер Дж. Психология познания. М.: Издательство Эксмо, 1977. 180 с.
14. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., Издательство «Институт психологии РАН», 1994. 80 с.
15. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.; 1993. 89 с.
16. Вагин Ю.Р. Авитальная активность (злоупотребление психоактивными веществами и суицидальное поведение у подростков). Пермь: Издательство ПРИПИТ, 2001. 292 с.
17. Ведрин Ж., Вебер Д. Можно ли оценить риск суицида? // Социальная и клиническая психиатрия, 1997, № 3. С. 69–73.
18. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст.Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
19. Войцех В.Ф. Факторы риска повторных суицидальных попыток // Социальная и клиническая психиатрия, 2002, № 3. С. 14–21.
20. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: 1999. С. 43–67.
21. Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М.: Смысл, 1996. 123 с.
22. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 2000. 232 с.
23. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1934. 240 с.
24. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 256 с.
25. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. М.: Лабиринт, 1984. 129 с.
26. Герасимова А.С., Сергиенко Е.А. Понимание детьми обмана как показатель становления модели психического («Theory of mind») //

Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. М.: ИП РАН, 2004. С. 63–85.

27. Гудзь М.О. Исследование вербализации актуальных страхов // Проблемы психологии дискурса. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. 217 с.

28. Джерджен К.Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: Хрестоматия / Отв. ред. М.П. Гапочка; Ред.-сост. Е.В. Якимова. М.: ИНИОН, 1995. 345 с.

29. Джерджен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика // Образовательные практики: амплификация маргинальности / под ред. А.А. Забирко. Мн.: Технопринт, 2000. 258 с.

30. Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003. С. 214.

31. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 131 с.

32. Донцов А.И. Концепция «социальных представлений» в современной французской психологии. М.: 1987. 142 с.

33. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: 1995. 212 с.

34. Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика / Пер. с англ. А.М. Корбута; под общ. ред. А.А. Полонникова. Минск: БГУ, 2003. 232 с.

35. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция «социальных представлений» в современной французской психологии: уч. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1987. 128 с.

36. Дарк О. Феноменология суицида. URL: www.ihtik.lib.ru (дата обращения 12.03.2017).

37. Дарк О. Право на смерть: феноменология суицида // Независимая газета. 2003. № 25 от 3 сентября. С. 16.

38. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
39. Ефремов В.С. Основы суицидологии. СПб.: Издательство «Диалект», 2004. 480 с.
40. Емяшева Ж.В., Розанов В.А., Бирон Б.В. Оценка степени выраженности жизненного стресса в половозрастном аспекте и его связи с суицидальными тенденциями // Медицинская психология. 2009. Том 4, № 1. С. 39–44.
41. Знаков В.И. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы Психологии. 1993. № 2. С. 23–26.
42. Знаков В.И. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 19–22.
43. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Антология. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
44. Зализняк А.Н, Левонтина И.Б., Шмелев А.А, Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки, 2002, № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=219>. (дата обращения 12.12.2016).
45. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: ОГУ, 1999; М.: 2008. 220 с.
46. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Издательство Прогресс, 1992. 123 с.
47. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: 1987. 215 с.
48. Кон И.С. Психология ранней юности: Кн. Для учителя. М.: Просвещение, 2012. 140 с.
49. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2002. 264 с.
50. Комер Р.Дж. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. М.: Прайм-Еврознак, 2005. 258 с.

51. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
52. Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни // Собрание сочинений в 8-ми томах. Т.4. М.: Издательство «Юридическая литература», 1967. С. 454–481.
53. Красненкова И.П. Судьба и свобода в сфере самонасилия (или искушение суицидом). URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1681>. (дата обращения 13.09.2016).
54. Красненкова И.П. Философский анализ суицида // Идея смерти в российском менталитете. СПб.: Изд-во «Русский гуманитарный христианский институт», 1999. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/90.htm (дата обращения 15.04.2017).
55. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Издательство Наука, 1991. 240 с.
56. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: 1971. С. 7–19.
57. Леонтьев А.Н. Генез человеческой речи и мышления; Психология речи; Психологическое исследование речи // Становление психологии деятельности: Ранние работы / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003. С. 278–308.
58. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Издательство Смысл, 2001. 278 с.
59. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Издательство Смысл, 1999. 341 с.
60. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. Воронеж. Издательство Знамя, 1996. 217 с.
61. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство МГУ, 1979. 249 с.

62. Леенарс А.А., Лестер Д., Лопатин А.А., Шустов Д.И., Венкштерн С. Анализ предсмертных записок из России и Соединенных Штатов // Социальная и клиническая психиатрия. 2002, № 3. С. 22–28.
63. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы языка, 1993. Т. 52. № 1. С. 3–10.
64. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 148 с.
65. Маланчук И.Г. Речь как информационный объект и новые задачи психодиагностики речи // ИКТ в образовании в течение всей жизни: Материалы междунар. конф., 16–17.09.2014. Красноярск: СФУ, 2014. С. 100–104.
66. Маланчук И.Г. Речь как психический процесс: монография. Красноярск, 2009. 282 с.
67. Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1–2. М.: 1973. С. 24–45.
68. Методы анализа документов в социологических исследованиях. М.: 1985. С. 52–75.
69. Маланчук И.Г., Новикова А.П., Осетрова Е.В. Речевой портрет суицидента. // Научно-методический вестник. Ч. I. Вып.4. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. С. 149–178.
70. Маланчук И.Г., Новикова А.П., Осетрова Е.В. Речевой портрет суицидента. // Научно-методический вестник. Ч.II. Вып. 5. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. С. 189–214.
71. Маланчук И.Г. Психология речи и психолингвистика в психотерапии // Психотерапия в системе медицинских наук в период становления доказательной медицины: Материалы науч-практ. конфер. с междунар. участием, СПб., 15–17 февраля 2006. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2006. С. 40–41.
72. Марина И.Е. Личность, склонная к суицидальным формам поведения: учебное пособие. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2008. 101 с.

73. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд / Психол. журнал. 1995. № 1. С. 3–18, № 2. С. 3–14.
74. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
75. Маланчук И.Г. Речь как психический процесс: монография. изд. 2-е., доп. Красноярск, 2013. 358 с.
76. Маланчук И.Г. Социальное сознание и речевое поведение в дошкольном возрасте: Учебное пособие. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2014. 234 с.
77. Маркова И. Представления как субъект-объектные отношения / Маркова И. Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Рос. акад. наук. ин-т психологии; ред. К.А. Абульханова-Славская. М.: 2011. С. 24–40.
78. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–18.
79. Никулина Т.А., Харламенкова Н.Е. Половозрастные различия в стремлении личности к утверждению и защите своего «я» // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1997. С. 224–240.
80. Неизвестный Юнг. Собрание переводов. Перевод с немецкого В.П. Терина. М.: Колос. 2010. 188 с.
81. Новикова А.П. Русскоязычные интернет-тексты суицидальной тематики: система речевых жанров и параметры языкового воздействия. дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск: СФУ, 2009. 103 с.
82. О профилактике суицидов среди несовершеннолетних. Материал селекторного совещания. Кондрашенко и др., 2017.
83. Обухова Л.Ф. Детская (возрастная) психология. Учебник. М.: Российское педагогическое агентство, 1996. 150 с.
84. Практическая психология образования: учебное пособие. / Под. ред. И.В. Дубровиной 4-е изд., СПб.: Питер, 2004. 592 с.

85. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов: учеб. пособие для студ. высш. пед. заведений. М.: Издат. центр, 2010. 184 с.
86. Петровский А.В. Возрастная и педагогическая психология. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 2013. 288 с.
87. Павлова Н.Д., Алмаев Н.А., Зачесова И.А., Латынов В.В., Шустова Л.А. Интент-анализ вербальной коммуникации // Проблемы психологии дискурса / отв. ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. С. 28–43.
88. Поттер Дж. Дискурс-анализ как метод изучения естественно протекающей речи // Иностранная психология. 1998. № 10. С. 36–45.
89. Психологические исследования дискурса / отв. ред. Н.Д. Павлова. М.: ПЕРСЭ, 2002. 120 с.
90. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М.: Издательство Искра, 1983. 286 с.
91. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 256
92. Радзиховский Л.А. Диалог как единица анализа сознания // Познание и общение. М., 1988. С. 24–35.
93. Радзиховский Л.А. Проблема диалогизма сознания в трудах М.М. Бахтина // Вопр. психологии. 1985. № 6. С. 103–116.
94. Розанов В.А., Уханова А.И., Волканова А.С., Рахимкулова А.С., Пизарро А., Бирон Б.В. Стресс и суицидальные мысли у подростков // Суицидология, 2016. № 3 (24). Т.7. С. 20–32.
95. Рахимкулова А.С., Розанов В.А. Суицидальность и склонность к риску у подростков: биопсихо-социальный синтез // Суицидология. 2013. Том 4, № 2 (11). С. 8–24.
96. Розанов В.А. Стресс-индуцированные эпигенетические феномены ещё один вероятный биологический фактор суицида // Суицидология. 2015. Том 6, № 3 (20). С. 3–19.

97. Розанов В.А., Рахимкулова А.С., Уханова А.И. Ощущение бессмысленности существования у подростков, связь с суицидальными проявлениями и психическим здоровьем // Суицидология. 2014. Том 5, № 3 (16). С. 33–40.
98. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
99. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. Алма-Ата: Мектеп, 1989. 159 с.
100. Старшенбаум Г.В. Суицидология и кризисная психотерапия. М.: Когито-Центр, 2005. 375 с.
101. Синягин Ю.В., Синягина Н.Ю. Детский суицид: психологический взгляд. СПб.: КАРО, 2006. 176 с.
102. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира М.: Наука, 1988. 216 с.
103. Сидоров П.И., Парников А.В. Введение в клиническую психологию. Учебник для студентов медицинских ВУЗов. Т. II. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 381 с.
104. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
105. Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.
106. Сиденко Е.А. К вопросу адаптации младшего и старшего подростка в социуме: как помочь подростку адаптироваться в школе и дома? // Эксперимент и инновации в школе: журн. для учителей, педагогов, воспитателей образовательных учреждений. 2011. № 6. С. 3–9.
107. Тихоненко В.А. Жизненный смысл выбора смерти // Психология смерти и умирания / Сост. К.В. Сельченко. // Человек, М.: 1992. N 6. URL: <http://www.pagesofpain.narod.ru> (дата обращения 27.06.2017).

108. Тихоненко В.А. Классификация суицидальных проявлений // Актуальные проблемы суицидологии / Отв.ред. А.А. Портнов. М.:1978. С. 59–73.
109. Уфимцева Н.В. Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: Парадоксальная рациональность. М.: Ин-т яз. РАН, 1993. 96 с.
110. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. 97 с.
111. Фельдштейн Д.И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1988. № 6. Портал психологических изданий PsyJournals.ru URL: <http://psyjournals.ru/authors/a6778.shtml> (дата обращения 23.02.2017)/
112. Федорова М.М. Образ смерти в западноевропейской культуре // Психология смерти и умирания / Сост. К.В. Сельченков // <http://www.pagesofrain.narod.ru> (дата обращения 23.04.2017).
113. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и схемы. М.: 1992. № 3. С.1–7.
114. Хоментаскас Г.Т. Семья глазами ребенка. М.: Издательство Прогресс, 1989. 197 с.
115. Харламенкова Н.Е. Анализ одной из стратегий самоутверждения личности в ракурсе проблемы «Я и другой» / Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический проект, 2000. С. 314–320.
116. Харькова Е.В. Концепт как единица языка, мышления и культуры и методы его анализа // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т. 2. С. 26–28.
117. Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Смысл, 1997. 345 с.

118. Чудновский В.С. Самосознание подростков с гармоничным и отклоняющимся поведением / В.С. Чудновский, А.Ю. Кржечковский, А.А. Можейко. Ставрополь, 1993. 150 с.
119. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
120. Шнейдман Э.С. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 215 с.
121. Эльконин Д.Б. Психическое развитие детей в детских возрастах / Под ред. Д.И. Фельдштейна / Вступительная статья Д.И. Фельдштейна. 2-е изд. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж.: НПО «МОДЭК», 1997. 416 с.
122. Юрчук В.В. Современный словарь по психологии. М.: Современное Слово, 1998. 768 с.
123. Юрьева Л.Н. Клиническая суицидология. Днепропетровск: Пороги. 2006. 470 с.
124. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб.: Издательский дом «Троя», 1994. 415 с.
125. Юнг К.Г. Психологические типы / Пер. с нем. Софии Лорне / Под общей ред. Зеленского В. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. 718 с.
126. Язык и личность. М.: Издательство Наука, 1989. 216 с.
127. Ясперс о самоубийстве / Перевод Е. Косиловой по кн.: Ясперс К. Философия. Гейдельберг, 1948. URL: http://aztec.sitecity.ru/ltext_1706064808.phtml?p_ident=ltext_1706064808.p_2406081216. (дата обращения 20.05.2016).
128. Augoustinos M.: Walker I. Social Cognition. An Integrated Introduction. London, 1995. 77 p.
129. Ang R.P. Relationship between academic stress and suicidal ideation: testing for depression as a mediator using multiple regression // Child Psychiatry and Human Development. 2006. Vol. 37, № 2. P. 133–143.
130. Buitron V., Hill R.M., Pettit J.W. et al. Interpersonal stress and suicidal ideation in adolescence: An indirect association through perceived

burdensomeness toward others // *Journal of Affective Disorders*. 2016. Vol. 190. P. 143–149.

131. Carli V., Wasserman C. et al. A newly identified group of adolescents at “invisible” risk for psychopathology and suicidal behavior: findings from the SEYLE study // *World Psychiatry*. 2014. Vol. 13. P. 78–86.

132. Kamarck T., Mermelstein R. A global measure of perceived stress // *Journal of Health and Social Behavior*. 1983. Vol. 24, № 4. P. 385–396.

133. Farberow N. L. (Ed.) (1980). *The Many Faces of Suicide*. New York: McGraw-Hill Book Company. Fergusson D.M., Woodward L.J., Horwood L.J. Risk factors and life processes associated with the onset of suicidal behavior during adolescence and early adulthood // *Psychological Medicine*. 2000. Vol. 30. P. 23–39.

134. Flick U. (ed.) *Psychologie des Sozialen: Repräsentationen in Wissen und Sprache*. Reinbeck, 1995a. P. 111

135. Flick U. Social representations. In: *Rethinking Psychology*. L.: 1995b. 70–96 p.

136. Harward D., Jacoby R. Suicidal behavior among elderly // *The International Handbook of Suicide and Attempted Suicide* / Eds. J.K. Hawton and K. van Heeringen. N.Y.: Wiley & sons, 2000. P. 278–291.

137. Holmes T.H., Rahe R.H. The Social readjustment rating scale // *Journal of Psychosomatic Research*. 1967. Vol. 11, № 2. P. 213–218.

138. Jodelet D. Représentation sociale: phénomènes, concept et théorie In S. Moscovici (ed.). *Psychologie sociale*. Paris: Presses Universitaires de France, 1984. P. 357–378.

139. Liu X., Tein J.Y. Life events, psychopathology, and suicidal behavior in Chinese adolescents // *Journal of Affective Disorders*. 2005. Vol. 86. P. 195–203.

140. Moscovici S. *La Psychoanalyse, son image et son public*. Paris, 1976. 212 p.

141. Moscovici S. Notes towards a description of social representation. *European Journal of Social Psychology*, 1988. Vol. 18. PP. 211–250.

142. Moscovici S. The myth of the lonely paradigm: A rejoinder. *Social Research*, 1984a. Vol. 51. P. 939–968.
143. Moskowitz G. *Social Cognition: Understanding Self and Others. Texts in Social Psychology*. Guilford. 2005. P. 131
144. Mann J.J. The neurobiology of suicide // *Nature Medicine*. 1998. Vol. 4. P. 25–30.
145. Petila I., Rytönen M. Coping with stress and by stress: Russian men and women talking about transition, stress and health // *Social Sciences and Medicine*. 2008. Vol. 66, № 2. P. 327–338.
146. Tajfel H., Fraser C. *Introducing Social Psychology*. Penguin Books. N.Y., 1978. 101 p.
147. Rew L., Young C., Brown A. et al. (2016). Suicide ideation and life events in a sample of rural adolescents // *Archives of Psychiatric Nursing*. – 2016. Vol. 30, № 2. P. 198–203.
148. Serafini G., Muzio C., Piccinini G. et al. Life adversities and suicidal behavior in young individuals: a systematic review // *European Child and Adolescent Psychiatry*. 2015. Vol. 24, № 12. P. 1423–1446.
149. Tajfel H., Turner J. *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, 1986. 109 p.
150. Turecki G. Epigenetics and suicidal behavior re-search pathways // *American Journal of Preventive Medicine*. 2014. Vol. 47. P. 144–151.
151. Wasserman D. A stress-vulnerability model and the development of the suicidal process. In: D.Wasserman (ed). *Suicide. An Unnecessary Death*, London: Martin Dunitz, 2001. P. 13–27.
152. Wilde de E.J. Adolescent suicidal behavior: a general population perspective // *The International Handbook of Suicide and Attempted Suicide / Eds. J.K. Hawton and K. van Heeringen*. N.Y.: Wiley & sons, 2000. P. 249–259.
153. Wasserman D., Geijer T., Rozanov V. & Wasserman, J. Suicide attempt and basic mechanisms in neural conduction: Relationships to the SCN8A

- and VAMP4 genes // American Journal of Medical Genetics Part B: Neuropsychiatric Genetics. 2005. Vol. 133B (1). P. 116–119.
154. Wasserman D., Carli V., Wasserman C. et al. Saving and empowering young lives in Europe (SEYLE): a randomized controlled trial // BMC Public Health. 2010. Vol. 10. P. 192–206.
155. Zhang W.-C., Jia C.-X., et al. Negative life events and attempted suicide in Rural China // PLoS One. 2015. Vol. 10, № 1: 231 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение А

1. Я пытался сделать все, чтобы остаться, но Земля превратилась для меня в ад. Я не знаю, кто виноват - я ли сделал свою жизнь такой, или это была моя судьба. Я не знаю, куда я уйду. Есть ли там что-нибудь, или меня ожидают вечные адские муки - и потому мне вдвойне страшно. Я знаю, что самоубийство - это самое гадкое, что может совершить человек. Это предательство по отношению к себе, к близким людям, к миру. За это я презираю себя, но все-таки делаю это. Я не нашел иного выхода, кроме смерти. Простите. Прощайте.

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/>

2. В ответ на всеобщее «почему?» остались две записки – черным фломастером на зеркалах в коридоре: «Сволочи» и в ее комнате: «Ненавижу Ольгу Васильевну!!! (учительница математики. – Ред.) Простите меня. Я слабая и очень устала. Не выдержала. Мне страшно жить».

<http://www.pagesofpain.narod.ru/dnevnik.htm>

3. Уважаемые товарищи! Я всерьез собрался умереть, потому что без Люды жить не могу. Пытался, как мог, но ничего не выходит. Ведь у меня, кроме неё никого нет. Не знаю, кто меня найдёт, поэтому пишу товарищи. Прошу в моей смерти никого не винить. Своим имуществом я распорядился. Составил завещание, и директор положил его в сейф до сентября в конверте, как я просил. Он ничего не знает. Он хороший человек, поэтому я к нему и обратился. Честно скажу, я выпил, чтобы легче было умирать. Я не пьяница, это все скажут. Но так надо. Я долго думал над всем, и другого выхода у меня нет. Жизнь несправедлива, но что поделаешь. Не хочу больше мучиться.

Николай Михайлов

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

4. Дорогая мама! Когда ты получишь это письмо, меня уже не будет. Женя не хочет на мне жениться, как я его не уговаривала, а у меня будет ребёнок. Лучше мне не жить, потому что ты учила меня совсем по-другому. Пусть Бог его накажет за то, что он со мной сделал. Прощайте все.

Нина

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

5. Если меня найдут. Я уйду из жизни добровольно, потому что всё против меня. Я старался, но ничего не вышло, и больше нет сил. Прошу близких меня простить. Деньги у меня дома, в шифанере под рубашками.

Игорь Ковалёв

Аня, я любил по-настоящему, а ты ничего не поняла.

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

6. Похороните меня с постером Игоря Сорина. Я очень надеюсь, что умру. Поймите, это намного лучше, чем сидеть и сходить с ума, думать об Игоре, о том, что его больше нет.

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

7. Моя любимая покончила с собой, а я не могу жить без нее. Простите нас!

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

8. Я все обдумал и решил, что мертвый меньше огорчу своих друзей и родственников, чем живой.

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

9. Вот вы и нашли это письмо, можете называть это предсмертной запиской, неважно. Я, наверно, первый, кто разместил ее в сети, а может и нет. до пизды. Если вы консервативны, распечатайте ее и считайте, что нашли ее у бездыханного тела :) Вас сейчас волнует одно: «Почему? Почему?». Это

пульсирует в висках, переключаясь с выскакивающей на первый план истеричной мыслью-молнией: «Его уже нет!!!!!!!!!!!!!!» Не прикидывайтесь, не врите себе. Все, меня нет. Сядьте спокойно, сделайте себе кофе, читайте дальше.

Я боюсь за своих детей. Мне уже сейчас страшно, что им придется умереть. Мои зайчики, мои милые, не оставляйте меня. Нет, их еще нет на свете и пока не предвидится, но ведь все движется, вся эта сраная масса ползет вперед, тянет за собой последствия и факты и прочее говно. Когда-то это случится, я точно знаю. Что тогда говорить, что писать, о чем думать, кому улыбаться, на кого дрончить? У меня нет ответа. Лучше сейчас, чем никогда.

Когда-то я написал: «Возьмите бритву - опасную, раскладную, выйдите на балкон ночью. Встаньте у края, откройте бритву. Возьмите ее в правую руку. Медленно проведите по своей шее, по лицу. Не режьте, а просто касайтесь кожи. Посмотрите вниз. Закричите во весь голос. Если вы теперь готовы - делайте шаг, если нет - продолжайте жизнь с новыми силами. Оба варианта хороши.» Ни хуя!!! Оба варианта НЕ хороши! Хорош лишь один вариант - правильный. В моем случае - первый. В вашем - наверно жизнь. Живите, радуйтесь. Пока!

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

10. Вчера с самого утра мама напилась. Опять говорила, что ей не хочется жить. Я просил замолчать и хорошо проспаться, но она не умолкала. Лежала на кровати и продолжала свои бредни. Я ударил ее. Она вроде бы успокоилась. Через некоторое время поднялась. На ногах она стоять не могла. Все время падала. Хваталась руками за стены, за двери. Что выпила она, я не знаю. Я довел ее до кровати, уложил, накрыл сверху одеялом. Она уснула...навсегда. Еще раньше она говорила мне: «Ты бьешь меня по лицу, я вся в синяках. Если я умру, то тебя посадят за убийство». Как она умирала, я не видел. Просидел на кухне. Курил. Часа в четыре потрогал маму, какая-то

она была холодная, но верить, что это произошло, не хочется до сих пор... Выхода у меня, кроме как уйти вслед за мамой, нет. Она, я так понял, умерла в бессознательном состоянии, как и хотела. Или, по крайней мере, всегда так говорила, чтобы не лежать в доме при смерти, как бывает с другими. Буду уходить, как смогу. Только из-за того, что я урод и судьба мне досталась такая злая, не хочу садиться в тюрьму. Я понимаю, какие страдания и стыд принесу своим близким. От сознания этого становится еще больней на душе. Но чудес на свете не бывает. другого выхода нет. Пусть меня судит Бог!.. Я не хочу, чтобы вы думали, что моя мама была плохая. Она была самым лучшим человеком на этой земле, просто водка отняла у нее сначала разум, а потом и жизнь.

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

11. Дорогая мамочка, дорогой папочка. Я вынуждена уйти из жизни, так как не могу находиться в ужасном состоянии, лишенном всякой перспективы. У вас есть еще дети. Они заменят меня, сгладят ваше горе. Мне же ничего не остается, кроме самоубийства. Я неполноценный человек, остаток человека. Если вы и мои сестры будете каждодневно видеть меня, вся ваша жизнь будет отравлена. Я вынуждена сделать то, что не довела до конца злосчастная катастрофа. Будьте счастливы и помните меня красивой и веселой. Простите мой поступок: иного выхода нет ни у меня, ни у вас.

Извини меня. Никто не виноват, устала. Больше так жить не хочу. Не хороните, а кремируйте.

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

12. Ухожу. Нету сил.

Лишь издали

(Все ж крещеная!)

Помолюсь

За таких вот, как вы,—

за избранных,

Удержаться над обрывом Русь.

Но боюсь, что и вы

Бессильны -

Потому выбираю смерть.

Как летит под откос

Россия

Не могу, не хочу смотреть.

(Предсмертная записка поэтессы Юлии Друниной)

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

13. Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик

(Предсмертная записка Марины Цветаевой)

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

14. Всем

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля - люби меня.

Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь - спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят –

«инцидент исперчен»,

любовная лодка

разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.

Счастливо оставаться.
Владимир Маяковский.

12/ IV 30 г.

Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьезно - ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль - снял лозунг, надо
бы доругаться.

В.М.

В столе у меня 2000 руб. - внесите в налог.

Остальное получите с Гиза.

В.М.

<http://www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/zapiski.htm>

15. 17-тилетний Дэвид Харкомб покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд. Он оставил предсмертную записку, которая была написана под текстом песни Эминема «Rock Bottom». «Когда мы умираем, то знаем, что все идем одной дорогой» - говорит в своей песне Эминем. Под этими словами Дэвид написал: «Чтобы там не было, надо идти, а то пропущу свой поезд, увидимся в аду».

<http://hghltd:yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2F>

16. «Я ненавижу всех без исключения, да, всех людей, они испортили мне жизнь. Так нельзя, но так получается, я не вижу смысла в жизни, тогда зачем жить, вернее, существовать? Все слишком плохо. Все не так, оно – это все – не движется ни назад, ни вперед, что я ненавижу. А я ненавижу все и всех, даже смерть я ненавижу. Хотя смерть – один из вариантов будущего. Как сказал лидер группы «Гражданская оборона» Егор Летов, «смерть – это когда из очень ограниченного попадешь в очень расширенное состояние». Так вот, после смерти, я надеюсь, я исчезну и буду пустотой, а пустота - это Вечность! Самое расширенное состояние – это вечность! Но я только надеюсь, что это будет так» (из письма подростка, назвавшего себя «загнанной в угол девочкой»).

<http://hghltd:yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2F>

17. Доход 156 марок

Квартплата 43,65

Свет 12,60

Стирка 15

Мои 10

Уголь 5

Долги 8

$156 - 94,25 = 61,75.$

Жить и курить 31 день на 61,75 марок невозможно, и я хочу проститься с жизнью.

<http://www.ural.ru/news/culture/news-45192.html>

18. Вещи в твоей машине. Теперь я могу это сделать. Люблю тебя, но моя жизнь кончена. Спасибо за твою странную любовь. Я понимаю, что никому от этого не лучше.

<http://www.ural.ru/news/culture/news-45192.html>

19. Надеюсь, у вас достаточно совести, чтобы понять, что в моем поступке виноваты вы. Желая вам иметь от моего мужа не меньше пяти детей.

<http://www.ural.ru/news/culture/news-45192.html>

20. Я делаю это, чтобы привести тебя в чувство, надеюсь, ты это понимаешь. (Она оставляет деньги на похороны в своей сумочке.) Мне бы следовало потратить эти деньги, потому что ты ни минуты не думал о детях, когда покупал мотоциклы, машину и телескоп, все это ты делал для своего удовольствия.

<http://www.ural.ru/news/culture/news-45192.html>

21. Я трусливый пес. Никогда больше не видеть солнце. Еще одна сигарета. Не пожить ли еще чуть-чуть? Нет, нет, нет. Я боюсь. Счастливо оставаться.

<http://www.ural.ru/news/culture/news-45192.html>

22. Мама, я перехожу в лучший мир, не беспокойся, мне там будет хорошо.

www.antiglobalizm.org/suicide/deti.html

23. Жить стоит только ради «винта» (наркотик) и восхитительного секса

<http://www.rusdom.ru/2004/200409i/20040918.html>

24. Я не могу так больше...

http://community.livejournal.com/note_died/

25. Мои дорогие, я не виноват ни в чем. Простите меня. Я стал жертвой политических интриг президента Кучмы и его окружения. Ухожу от вас с чистой совестью. Прощайте.

<http://3-05.mysob.ru/news/politic/58047.html>

26. Я последний раз взяла в руки ручку...это моя предсмертная записка...Простите все кому я причинила боль...Все кому было плохо из-за меня...Простите...Аннет...тебе отдельное спасибо...ведь 9 лет ты меня терпела...9 лет мы больше чем на месяц не разлучались (это всего было один раз)...Сашка...я тебя всё равно люблю...не смотря ни на что...ты самый лучший...не оставляй Аннет...скоро ты ей будешь нужен... очень ...ведь меня рядом не будет...ты сильный...ты выдержишь...Когда тебе скажут что твоей Умки больше нету...не плачь...я не хочу...надеюсь что мы ещё встретимся...но не скоро...я буду тебя ждать...не повторяй моих ошибок...я умру с твоим именем на губах...мне будет хорошо...ведь не смотря ни на что...я счастлива...ведь я познакомилась с тобой...за это я благодарю Андрея...он много сделал для меня...Спасибо... Я вас люблю...ваша...Умка...

http://emofans.ru/2007/09/26/predsmertnaja_zapiska.html

27. Футбольный сезон закончился

Больше никаких игр. Больше никаких бомб. Больше никаких прогулок. Никаких развлечений. Больше нельзя плавать. 67. Это на 17 лет больше, чем 50. На 17 лет дольше, чем я хотел, чем мне было нужно. Скучно. Я стал раздражительным. Никакого удовольствия ни для кого. 67 лет. Становишься жадным. Прекрати, веди себя соответственно своему возрасту. Расслабься. Больно не будет. (Писатель Хантер Томпсон)

<http://www.newsru.com/cinema/09sep2005/tt.html>

28. Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все

остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40-50 лет.

Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа <...> во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных <...> От них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, уйду из этой жизни. Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять. (Александр Фадеев, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

29. Печаль будет длиться вечно. (Ван Гог, художник)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

30. Милый мой, я определенно чувствую, что снова лишилась рассудка. И на этот раз мне не станет лучше. Я слышу голоса и не могу сконцентрироваться. Так что я совершаю то, что кажется мне лучшим из возможного. Ты подарил мне настоящее счастье. Вряд ли на свете были люди, более счастливые, чем мы. Я не в состоянии больше бороться. Я знаю, что наносу вред твоей жизни, что без меня ты смог бы работать. И ты будешь, я это знаю.

А я уже не могу писать. Я и читать не могу. Я хочу признаться, что все счастье случилось в моей жизни только благодаря тебе. Ты был таким терпеливым и невыразимо добрым со мной и все это знают. И если кто-нибудь мог меня спасти, то это только ты. Я потеряла все кроме твоего доброго отношения ко мне. Всему причиной была я, но определенность давала твоя доброта. Я не могу продолжать отравлять твою жизнь. Вряд ли

на свете были люди, более счастливые, чем мы. (Вирджиния Вульф, писательница)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

31. Жизнь стала невыносимой... Простите меня. (Далида, певица)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

32. Будущее - это всего лишь старость, болезни и боль. А мне нужно спокойствие и это единственный выход. (Джеймс Уэйл, режиссер)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

33. Жизнь – только миг, любовь – привет. С Богом! (Джимми Хендрикс, рок-музыкант)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

34. Этот мир слишком тесен для меня и Пикассо. (Джон Уильям Гудварт, художник)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

35. Я сделал свою работу. Зачем ждать? (Джордж Истман, изобретатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

36. Дорогой мир, я покидаю тебя, потому что мне надоело. Я чувствую, что прожил достаточно. Оставляю тебя с твоими заботами в этой милой клоаке. Удачи! (Джордж Сандрес, актер)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

37. Я собираюсь уснуть немного надольше, чем обычно. Скажем, навечно. (Ежи Косинский, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

38. Больше нет волос. Больше нет зубов (правого резца). Больше нет денег. Больше нет женщины. Больше нет квартиры. Больше нет времени. Больше нет огня. Больше нет тела. Баланс подведен 28 февраля 1960. Больше нет подписи Ж.Н. (Жеральд Неве, поэт)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

39. Умираю. Может, я и не Акутагава, но мне тоже не дает жить ощущение невыразимой тревоги. (Кано Асихэй, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

40. Я устал переживать одинаковые эмоции и испытывать одинаковые ощущения. Настало время двигаться дальше и увидеть, что же там впереди, если вообще что-то есть... Этот мир Louis Vuitton, Prada, Mont Blanc не для меня. Если бы меня любили так же как любят ручки Mont Blanc... (Крис МакКинстри, исследователь)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

41. Застрелился, перед этим безуспешно пытался утопиться. При нем нашли записку, в которой говорилось: «Очень не советую топиться тем, кто умеет плавать». (Костас Кариотакис, поэт)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

42. Послушав Четвертую симфонию Брамса, решила, что Кусака Ёко больше жить не будет. (Кусака Ёко, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

43. Прошу, чтобы меня похоронили в земле, без гроба, без какого-либо знака, который напоминал бы о моем существовании. Запрещаю давать мое имя каким бы то ни было общественным местам. Никого ни в чем не обвиняю. Единственный, кто отвечает за все мои поступки, — я сам. (Леопольдо Лугонес, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

44. Человеческая жизнь не беспредельна, я же хожу жить вечно.
(Мисима Юкио, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

45. Я здоров душой и телом. Ухожу из жизни, пока жестокая старость не отняла духовные и физические силы, не лишила меня радости жизни... Я умираю с радостной уверенностью, что дело, которому я посвятил вот уже 45 лет, восторжествует. Да здравствует коммунизм, да здравствует международный социализм! (Поль Лафарг, критик)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

46. «Прошу меня сжечь. Отвратительно». (Рене Кревель, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

47. Наверное, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни, животной силой. Я живу в мире воспаленных нервов, прозрачный, как лед... Меня преследует мысль о самоубийстве. Только вот никогда раньше природа не казалась мне такой прекрасной! Вам, наверное, покажется смешным: человек, очарованный красотой природы, думает о самоубийстве. Но природа потому так и прекрасна, что отражается в моем последнем взоре.
(Рюноскэ Акутагава, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

48. Всё шло наперекосяк слишком часто. (Тони Хэнкок, комедийный актер)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

49. Предположительно я уже спрыгнул с какого-нибудь небоскреба... Нет, я не сумасшедший, хотя и доведенный до самоубийства. И дело не в ком-то и в чем-то, все дело в непроходящей грусти и беспристрастном

взгляде на мир. Я смотрю на свою жизнь, как же в ней много безотрадных часов, растраченного на достижение недостижимых целей времени - и я почти не вижу будущего. Хотя все не так уж и плохо, относительно. Я преувеличиваю. В конце концов я просто не хочу (осточертело) жить как посредственность. И это то, как я решил со всем разобраться... Удачи тебе, мир.

Филип

И будь счастлив!

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

50. Когда все хорошее заканчивается, когда ты убеждаешься в том, что впереди неизбежная, неминуемая смерть, одним из простейших является право выбора быстрой и легкой смерти вместо тягостной и мучительной. (Шарлотта Перкинс Джилман, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

51. Умираю, принимая то, что лучше смерть физическая, чем незаслуженная смерть политическая. Видимо, такова доля поэтов. Повесился Есенин, застрелился Маяковский, ну и мне туда же, за ними дорога. (Янка Купала, писатель)

http://reader.web2doc.com/pages/o_predsmertnyh_zapiskah_izvestnyh_lyudey_chitat/

52. Я знаю, все запомнят меня как какого-то монстра. Пожалуйста, поймите, что я просто не хочу быть тяжелой ношей для тех людей, которым посвятил всю свою жизнь. Я сломался. Я не могу больше влачить это бесполезное существование. Дальше было бы еще хуже. (Роберт Хокинс)

<http://top.rbc.ru/society/08/12/2007/129093.shtml>

53. Скажи знакомым, что это авария. Они поверят – ноябрь, туман, да и шофер я неважный. Всю жизнь я любила только тебя. Не забудь взять вещи из химчистки.

<http://darkdiary.ru/users/SN667>

54. Дорогой Билл! Мне очень жаль, что я доставляю тебе столько беспокойства. Я очень не хотела этого делать, и если бы ты с самого начала сказал мне всю правду, мы оба, вероятно, были бы сейчас счастливы. Билл, мне очень жаль, но я больше не могу выносить эту жизнь. Я думаю, что в этом мире не осталось больше доброты. Я тебя очень люблю и желаю, чтобы ты нашел в своей жизни счастье, которое я хотела, но не смогла тебе дать. Скажи своим родителям, что я прошу у них прощения за все случившееся, и, если сможешь, сделай так, чтобы мои родители никогда не узнали правду о моей смерти. Прошу тебя, Билл, не испытывай ко мне ненависти. Я люблю тебя. Мэри.

<http://komer.psychopat.ru/?Glava>

55. Раз уж у меня нет любви, которая так мне нужна, значит, у меня ничего не осталось.

<http://www.psyint.ru/library.php?part=article&id=1807>

56. Я очень устала от этой круговерти эмоций, поэтому я решила положить ей конец, уйдя из жизни.

<http://www.psyint.ru/library.php?part=article&id=1807>

57. Я бессильна перед своими чувствами. С жизнью нельзя совладать. Я похожа на 12-летнего беспомощного ребенка.

<http://www.psyint.ru/library.php?part=article&id=1807>

58. Дорогая Мэри, я пишу эти строки тебе потому, что они самые последние. Я на самом деле думал, что вы с малышом Джо возвратитесь в мою жизнь, но вы так и не вернулись. Я знаю, что ты нашла другого человека, очевидно, лучшего, чем я. Надеюсь, что этот сукин сын сдохнет. Я тебя очень люблю и Джо тоже. Очень больно думать о том, что у нас с тобой ничего не вышло. Я много мечтал о нашей жизни вместе, но это оказались только мечты. Я всегда надеялся, что они сбудутся, но теперь точно уверен,

что этого никогда не случится. Я надеюсь оказаться на небесах, хотя в моем случае наверняка попаду в ад. Пожалуйста, заботься о маленьком Джо, ведь я люблю его всем сердцем. Не говори ему о том, что случилось. Скажи, что я уехал далеко-далеко и, возможно, когда-нибудь вернусь. Добавь, что не знаешь, когда именно. Ну вот, кажется, это все. Береги себя. PS. Я знаю, что у нас были шансы помириться, но ты этого не желала, ты хотела трахаться с кем-то другим, ну, так теперь ты этого добила. Не могу толком сказать, ненавижу я тебя или люблю. Ты никогда не узнаешь этого. Искренне твой, твой муж Джордж.

<http://www.psyint.ru/library.php?part=article&id=1807>

59. Прости меня, ведь сегодня я умру. Я просто не могу жить без тебя. А значит, можно и умереть. Может, там будет покой. У меня внутри такое ужасное чувство пустоты, которое просто убивает меня. Нет больше сил его терпеть. Когда ты оставила меня, я умер внутри. Должен сказать, что у меня ничего не осталось, кроме разбитого сердца, и именно это подталкивает меня к такому поступку. Я взываю к Богу, чтобы он помог мне, но Он меня не слышит. Иного выбора у меня не осталось.

<http://www.psyint.ru/library.php?part=article&id=1807>

60. Я сижу один. Теперь, наконец, наступит свобода от тех душевных мучений, которые я испытывал. Это не должно ни у кого вызывать удивления. Мои глаза уже очень долгое время говорили об отчаянии. Отверженность, неудачи и крушение надежд сломили меня. Нет никакой возможности вытащить себя из этого ада. Прощай, любимая. Прости меня.

<http://www.psyint.ru/library.php?part=article&id=1807>

Приложение Б

Стенограмма клиентских бесед (орфография и пунктуация сохранены)

Клиент Антон, 15 лет

10:05 **А.** Здравствуйте, помогите мне, я тут сделал честно я хотел по злить катю и писал ей типо я всё таки умру и всё такое но я дебил мне не на да было ей так писать я просто хотел её позлить а получилось так что мы сильно поругались помогите мне

11:50 **П.** Какая цель у тебя была, когда ты говорил, ей, что все-таки умрешь?

12:03 **А.** Да она на ла ела уже мне ей постоянно что то не нравится постоянно вот и решил таким жестким методом по злить а потом когда сказал что это шутка она сильно обиделась так вы мне положите. Блин я чуть не сделал не проповимое если я бы не на писал там не чего и меня бы не было блин что бы было с дедом а с Катей хорошо что я на писал там. Просто лучшие сказать правду чем врать всё равно лож выясняется быстро я просто не могу понять за чем врать за чем как это сделала мама мне нужно было сказать правду куда она меня хочет от вести а ложю она сделала так что у меня нет к ней доверие блин но я не могу понять почему она мне не позвонила или не написала и не спросила сынок что случилось что с тобой сразу задумки как поскорей от меня избавится а бабка моя она наверное радостная стала что меня в больницу положут так грустно понимать что ты нужин только девушке и деду. Другого моего Его убил мой родной дядя у него с головой что то не что случилось и ща клинило он ему помишал слушать музыку и он его убил блин а я стоял и не чего не мог сделать совсем не чего и я тогда не боялся буду ли я следующим кого он убёт я просто стоял и смотрел. Было мне бы тогда столько лет я бы смог помешать.

21:35 **П.** Сегодня не разу про отца твоего не вспомнили, он как?

21:38 **А.** Ну как бы его нет он сидит его поцтавили.

Клиент КАРИНА, 15 лет

15:08 П. А, как ты подружилась с Вадимом?

15:24 К. Вадим, Он афигенный.

15:25 П. Как это?

Он много думает о суициде

И мы собираемся умереть

сегодня

В 00:01

по Мсу

15:45 П. Все в жизни можно исправить кроме прыжка

15:47 К. Мне так плохо без него..я походу решила..умереть

Однажды я уже падала с крыши.

П. Как падала?

К. Мы с ним решили поехать на крышу спрыгнуть..ещё дома написали предсмертные записки...стоим на крыше. И тут люди наи орут якобы слезайте вниз.. Полицию вызовем..некоторые кричали прыгайте..вообще м приехала полиция и спасатели...мы столи на самом краю я сорвалась и меня словили с 10 этажа..больше я нечего не помню.очнулась в больнице..А в предсмертной записке написалп Что б не кого не винили в моей смерти...что люблю своих родных....и ещё много чего

П. А мама твоя как это пережила?

К. Эту крышу теперь закрыли...

Нет не ругулась.

Я бы ей об этом и не рассказала...если бы не бабушка Вадима..

Мама уже думаю привыкла к этому

П. Ты часто прыгала?

К. Нет.там другое было

П.Что?

Вскрылись с бывшей лучшей подругой в торговом центре в туалете

Клиент ВАДИМ, 15 лет

Вадим 11:03

Что от меня то нужно, знаете, когда человек умирает, то он познает истину!?

П. А как ты об этом узнал что познаёт мертвый человек?

Вадим 12:49

Те кто прыгал и выживал, я с такими общался. Самое страшное перед ударом о землю-асфальт.

П. Как давно ты решил закончить жизнь?

Вадим 12:51

Ещё 4 года назад, после смерти родителей, и вот я окончательно решился. Я не учусь, работаю, мать ушла от отца и нагуляла болезнь, отец не выдержал измены и выпилился

П. Как это выпилился?

Вадим 14:34

Повесился

П. И ты прыгать собрался?

Вадим 15:14

Да. И еще 2 девушки. Одна моя девушка, и одну сегодня нашёл. А для меня нету смысла жизни, я не понимаю зачем меня вообще родили. Лучше бы аборт сделали. Остается чувства страха. Что выживу. Но хочу прервать мучение

П. А мучения в чем?

Вадим 19:29

в никчемной жизни(А вообще я хочу спать, вы знаете если всегда тянет спать, то это перед смертью)). Наш ад это жизнь в пустую. На этой неделе нас больше не будет, как бы это не звучало, но это так.

П. А хорошее, давай вместе поищем решения?

Вадим 20:05

Нет. Ещё 4 года назад, после смерти родителей, и вот я окончательно решился.